

САЙМОН БЕКЕТТ

ЗОВ ИЗ
МОГИЛЫ

Доктор Дэвид Хантер

Саймон Бекетт
Зов из могилы

«Издательство АСТ»

2010

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Бекетт С.

Зов из могилы / С. Бекетт — «Издательство АСТ»,
2010 — (Доктор Дэвид Хантер)

ISBN 978-5-17-114529-3

Восемь лет назад полицейской группе, в состав которой входил опытный судмедэксперт Дэвид Хантер, удалось поймать «дартмурского маньяка» Джерома Монка, терроризировавшего провинциальный городок. Все члены команды давно потеряли друг друга из виду. Но... Монк бежал из заключения. И теперь один из тех, кто вел дело Монка, убит. Вторая ранена и страдает от амнезии. А третий, похоже, многое недоговаривает... Монк пытается свести счеты с теми, кто упрятал его за решетку? Такова версия полиции. Но Хантер, ведущий собственное расследование, все больше убеждается – возможно, за делом «дартмурского маньяка» стоит кто-то еще...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-114529-3

© Бекетт С., 2010

© Издательство АСТ, 2010

Содержание

Пролог	6
1	7
2	12
3	19
4	23
5	29
6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Саймон Бекетт

Зов из могилы

Simon Beckett
The Calling of the Grave

© Hunter Publications Limited, 2010

© Перевод. Л. Г. Мордухович, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Посвящается Хилари

Пролог

Плоть и внутренние органы животного и человека, когда он перестает жить, начинают разлагаться. Это непреложная истина. Однако среда, в которую помещен умерший организм, может замедлить разложение. И весьма существенно. Например, в воде разложение длится в два раза дольше, чем в воздухе. А в земле даже в восемь раз. Чем глубже зарыт организм, тем медленнее происходит процесс разложения.

Погребенное в земле тело недоступно для насекомых, питающихся падалью. Разрушающие мертвую плоть разнообразные микроорганизмы не могут существовать без воздуха. А его под землей очень мало. Плюс низкая температура. Все это замедляет биохимические процессы разложения на недели и месяцы. И даже годы. Известны случаи, когда мертвое тело сохранялось в земле почти без изменений многие десятилетия. Впрочем, данный принцип можно считать универсальным.

Ничто невозможно похоронить навеки. Рано или поздно тайное всегда становится явным.

1

– Ваша фамилия?

Обветренное лицо женщины в полицейской форме разругалось от холода. Ее не по росту длинный желтый жилет покрывали блестящие капельки тумана, который, казалось, окутал сейчас всю землю. Неприязнь во взгляде означала, что, с ее точки зрения, во всем виноват именно я. И в скверной погоде, и в том, что ей приходится так долго стоять под открытым небом.

– Доктор Дэвид Хантер. Я по приглашению старшего следователя Симмза.

Она еще раз взглянула на меня, затем с нескрываемой досадой уставилась в бумаги на дощечке-планшете, после чего поднесла к губам микрофон рации:

– Тут приехал какой-то Дэвид Хантер, спрашивает старшего следователя.

– Не какой-то Дэвид Хантер, а доктор, – поправил я.

Можно было не стараться. Моим регалиям эта женщина не придавала никакого значения. По рации ей что-то ответили. Сквозь треск и помехи мне не удалось разобрать, что именно, но она с тем же недовольным видом неохотно посторонилась и махнула мне рукой:

– Вон туда, где стоят машины.

– Благодарю вас, – пробормотал я, нажимая на газ.

За ветровым стеклом властвовал туман и вел себя соответственно, как положено властителю. Неожиданно рассеивался, открывая серую, однообразную вересковую пустошь, а затем обволакивал ее своей белой кисеей. На небольшом, сравнительно ровном участке торфяника находилась стоянка автомобилей, у въезда в которую дежурил полицейский. Он разрешил мне заезжать, и мой «ситроен», подпрыгивая и кренясь, припарковался на свободном месте.

Я выключил двигатель и выпрямился. Поездка была долгой и утомительной. Я гнал всю дорогу без остановок. Хотелось скорее попасть на место и узнать наконец о деле. По телефону Симмз ничего толком не объяснил. Сказал лишь, что найдено захоронение и он приглашает меня консультантом на эксгумацию. Казалось бы, что особенного? Обычная полицейская рутина. Меня довольно часто вызывали для такой работы. Но если речь шла о Дартмуре, то это, несомненно, было связано с Джеромом Монком, насильником и серийным убийцей, признанным виновным в гибели четырех женщин, из которых три были совсем молодые. Их тела до сих пор не обнаружили. Если найдено захоронение одной, то, вероятно, других убийца зарыл где-то поблизости. Разумеется, мне хотелось участвовать в этой важной операции по выявлению мест захоронения.

– Мало кто сомневался, что тела своих жертв он зарыл где-то в Дартмуре, и вот наконец нашли, – сказал я жене Каре утром перед отъездом, когда мы завтракали в кухне. В этот дом в викторианском стиле на юго-западе Лондона мы переехали год назад, но я до сих пор не мог привыкнуть к нему и не знал, где что лежит. – Куда же еще он мог их затащить?

– Дэвид! – Кара многозначительно показала мне на дочь Элис, которая сосредоточенно поглощала малиновый йогурт.

– Извини, – пробормотал я. Обычно у меня хватало ума не говорить о своей работе в присутствии нашей пятилетней дочери. Но видимо, сегодня я был очень взволнован.

– А что это значит, жертвы? – спросила Элис тоненьким голоском, отправляя в рот очередную порцию йогурта.

– Это у меня на работе есть такие, – проговорил я, не зная, как отвлечь ее внимание.

– А зачем их куда-то тащить? – не унималась она.

– Вот что, милая, – строго произнесла Кара. – Давай заканчивай завтрак. Папе скоро уходить, да и нам надо торопиться, а то опоздаем в школу.

Элис повернулась ко мне:

– Когда вернешься?

– Скоро. Ты даже не заметишь. – Я наклонился и поднял дочь на руки. – А ты води себя хорошо и слушайся маму.

– Я всегда веду себя хорошо, – пробурчала Элис и уронила с ложки каплю йогурта на мои бумаги на столе.

Кара ойкнула и засуетилась, вытирая йогурт салфеткой.

– Пятно наверняка останется. – Она посмотрела на меня. – Надеюсь, бумаги не очень важные.

– Конечно. – Я поцеловал смущенную дочь и опустил на пол. Затем собрал бумаги, сунул в папку и обратился к Каре – Я, пожалуй, пойду.

В холле мы обнялись.

– Сколько там пробуду, пока не знаю, – промолвил я, вдыхая аромат ее волос. – Надеюсь, не более двух суток. В общем, буду звонить.

– Поезжай осторожно, – попросила она.

Мои отъезды в нашей семье не являлись новостью. Я работал судебным антропологом, и если где-нибудь обнаруживалось криминальное захоронение, вызывали меня. В последние годы я несколько раз побывал с подобной миссией за границей и изрядно поколесил по Британии. Приятной мою работу назвать трудно, но она необходима, и я гордился приобретенным опытом и своей репутацией. Но повторяю, большого удовольствия от нее не получал. А уж расставание с женой и дочерью даже на несколько дней всегда переживал тяжело.

Вдыхая запах сырости и болота, я вышел из машины и, осторожно ступая по грязной траве, зашагал к багажнику. Достал оттуда из специального ящика одноразовый комбинезон. Обычно их в полиции выдавали, но мне нравилось носить свои. Натянув комбинезон и застегнув молнию, я вынул алюминиевый чемоданчик с инструментом. До недавнего времени я обходился потрепанным старым саквояжем, но Кара уговорила меня сменить его. Чтобы я имел вид не жалкого коммивояжера, а солидного профессионала-консультанта.

Как всегда, она была права.

Невдалеке остановился автомобиль, но я шел вперед, не обращая на него внимания. Пока не услышал голос:

– Значит, приехал?

Я оглянулся. Из машины появились двое. Один, невысокий, с острыми чертами лица, был мне незнаком, зато со вторым, помоложе, мы были почти приятели. Высокий широкоплечий красавец двинулся ко мне с легкой уверенностью атлета. Я удивился, что не сразу узнал яркий «мицубиси» Терри Коннора.

Вообще-то встреча должна была меня обрадовать, я ведь никого здесь не знал. Но в моих отношениях с Терри существовала какая-то необъяснимая червоточинка, препятствующая свободному общению.

– Я не знал, что ты тоже участвуешь в расследовании.

Терри улыбнулся. Мне показалось, он немного похудел с тех пор, как мы виделись в последний раз.

– Я заместитель старшего следователя. А кто же, по-твоему, замолвил за тебя словечко?

Я с улыбкой кивнул. Когда мы познакомились, Терри Коннорс был инспектором лондонской уголовной полиции, но по работе мы не сталкивались. Его жена, Дебора, лежала на сохранении в одной палате с Карой, и они подружились. А у нас с Терри сразу возникло напряжение. Кроме частичного совпадения профессий, мы не находили точек соприкосновения. Меня раздражали его самоуверенность и высокомерие. Он был невероятно амбициозен, всегда стремился выделиться, отличиться, и нас с Карой очень удивило, когда год назад Терри вдруг переехал из Лондона в провинцию. Почему именно, он не объяснил. Говорил что-то о том, что

Дебора захотела жить поближе к своим родственникам в Эксетере, но, разумеется, это не могло быть поводом, чтобы ломать карьеру и менять Лондон на графство Девоншир.

В последний раз мы виделись с ними незадолго до его переезда. Поужинали вчетвером в ресторане. Но вечер не удался. Терри и Дебора были какие-то взвинченные, беседа не клеилась, и мы с женой облегченно вздохнули, когда все закончилось. Кара и Дебора иногда перебивались, но Терри я с тех пор не видел.

Похоже, он продвинулся по службе, если возглавляет такое важное расследование. Неудивительно, что Терри похудел.

– А я все думал, откуда Симмз узнал про меня, – произнес я, изображая некое подобие благодарности, хотя предпочел бы обойтись без протекции Терри Коннорса.

– Да, я расхваливал тебя, так что не подведи.

– Постараюсь, – кивнул я, подавив раздражение.

Терри ткнул большим пальцем в мужчину, который был ниже его чуть ли не на голову:

– Это детектив Роупер. Боб, это Дэвид Хантер, судебный антрополог, я тебе о нем говорил. Он спец по гниющим останкам, может рассказывать о них часами.

Детектив улыбнулся, показав неровные, пожелтевшие от табака зубы. Зато глаза у него были умные и острые. Все замечающие. Когда мы обменялись рукопожатием, на меня пахло дешевым лосьоном после бритья.

– Значит, это по вашей части. – Говорил он с заметным местным выговором. – Конечно, если это то, о чем мы думаем.

– Вот именно! – воскликнул Терри. – Пока ничего не известно. Ступай вперед, Боб. Я хочу перекинуться парой слов с Дэвидом.

Это было почти откровенным хамством. Взгляд детектива посуровел, но улыбка не исчезла.

– Как прикажете, шеф.

– Ты с этим Роупером будь осторожнее, – произнес Терри. – Он прихвостень Симмза. Высматривает все вокруг, вынюхивает и тут же передает ему.

– А по поводу захоронения есть сомнения? – спросил я, пропуская мимо ушей его замечание. Оно меня не удивило. Терри редко о ком говорил с уважением.

– Сомнений нет. Большинство уверены, что это работа Монка.

– А твое мнение?

– Пока не знаю. Для этого тебя и вызвали, чтобы выяснить все окончательно. И желательно побыстрее. – Он устало вздохнул. – В общем, отправляйся сейчас к Симмзу. Он не любит, когда его заставляют ждать.

– А что он за человек? – поинтересовался я. Мы двигались в сторону полицейских трейлеров.

– Симмз? – Терри вскинул голову. – Порядочная скотина. Сухой и скучный педант. Не терпит возражений. Но не дурак, надо отдать ему должное. Тебе известно, что он ведет данное дело с самого начала?

Я кивнул. Все знали, что именно Симмз упрятал Джерома Монка за решетку.

– Понятно, почему он так хочет найти захоронения всех жертв маньяка.

– Вот именно. – Терри усмехнулся. – Симмз метит занять пост начальника полиции графства, и, вероятно, через несколько лет у него это получится. Если здесь все пройдет гладко.

«Ты тоже надеешься продвинуться вверх, – подумал я, глядя на Терри. – Недаром так нервничаешь сейчас».

Мы подошли к трейлерам, стоящим вдоль проселочной дороги, которая тянулась от шоссе. Между ними были проложены черные толстые кабели. В туманном воздухе отчетливо ощущался запах дизельного топлива от работающих генераторов. Терри остановился у трейлера, где располагался диспетчерский пункт.

– Симмз у захоронения. Иди туда. А вечером, если я приеду вовремя, мы встретимся и выпьем. Ведь жить мы будем в одном мотеле.

– Ты не пойдешь со мной? – удивился я.

– А чего я там не видел? – Он попытался произнести эти слова равнодушно, но у него не получилось. – Сейчас соберу кое-какие бумаги и поеду. Довольно далеко.

– Куда?

– Расскажу позднее. А пока пожелай мне удачи.

Терри развернулся и вошел в трейлер. Меня, конечно, немного озадачило, в чем ему понадобилась удача, но я не хотел думать о делах Терри.

Я постоял, рассматривая простирающееся передо мной торфяное болото, поросшее папоротником и колючим утес-ником. Примерно в четверти мили отсюда на фоне серого неба отчетливо выделялся холм со скалистой вершиной, о котором упоминал Симмз, указывая его в качестве ориентира.

Черная Скала.

В Дартмуре были более высокие и величественные холмы, украшавшие вересковую пустошь. Однако самой заметной среди них являлась Черная Скала. Этакая причудливая башенка, будто сложенная из плоских валунов ребенком великаном. Не чернее остальных, так что название, наверное, было связано с каким-то мрачным событием в прошлом. Звучало оно зловеще и потому полюбилось в последнее время газетчикам. Еще бы, ведь вблизи Черной Скалы, кажется, устроил кладбище для своих жертв Джером Монк.

После звонка Симмза я полазил по Интернету, освежил в памяти детали, связанные с этим человеком. Впрочем, причислить Монка к отряду хомо сапиенс можно было условно. Вот как описывали его журналисты: сирота, отец неизвестен, мать умерла при родах (в некоторых таблоидах ее называли первой жертвой маньяка), жил в одном из дартмурских городишек в заброшенном трейлере, пробавлялся случайными заработками, людей сторонился и был склонен к насилию.

И внешность Монк имел характерную, типичную для убийцы.

На фотографиях, сделанных во время процесса, запечатлен гигант увалень с непропорционально крупной, похожей на пушечное ядро головой. Приплюснутый нос, глубоко посаженные черные глаза-пуговицы, рот, постоянно искривленный в презрительной усмешке. Уродство усугубляла стриженная наголо голова и глубокая вмятина на лбу. Видимо, родовая травма. Монк обладал невероятной силой и был способен одним ударом убить человека.

Фигурально выражаясь, Монк «оправдал ожидания», поразив своими чудовищными преступлениями не только жителей графства Девоншир, но и всю страну. Первой его жертвой стала Зоуи Беннетт, темноволосая семнадцатилетняя красотка, мечтающая стать моделью. Однажды она ушла в ночной клуб и не вернулась домой.

Через три дня исчезла еще одна девушка. Линдси Беннетт, сестра-близнец Зоуи.

На сей раз о происшествии газеты сообщили сразу. Для многих стало очевидно, что в Дартмуре действует опасный преступник. А когда сумку Линдси обнаружили в мусорном баке, то надежды, что сестры живы, вовсе отпали. Надо ли говорить, что творилось с родителями. Потерять одного ребенка – неопишущее горе, а тут еще второго.

А когда исчезла Тина Уильямс, симпатичная девятнадцатилетняя девушка, тоже темноволосая, возникла настоящая паника. Общественность требовала от полиции немедленно найти и обезвредить маньяка. Но детективам не за что было зацепиться. Преступник не оставил ни единой улики. Правда, уличные камеры наблюдения зафиксировали в месте, где в последний раз видели Линдси Беннетт, а затем Тину Уильямс, белый автомобиль седан. Это же подтверждали несколько свидетелей. Но номеров никто не запомнил.

Пока детективы думали насчет автомобиля, маньяк сам выдал себя. Его жертвой стала двадцатипятилетняя Анджела Карсон. В отличие от предыдущих она не была ни темноволосой, ни красавицей. К тому же Анджела была глухонемая.

Монк изнасиловал и забил до смерти девушку в ее собственной квартире. Соседи услышали через стенку его дикий хохот, вопли жертвы и вызвали полицию. Когда двое патрульных взломали дверь и ворвались в квартиру, они обнаружили там Монка, запачканного кровью девушки и обезумевшего от совершенного злодеяния. Полицейские были крепкими, но он вырубил их обоих и исчез. Все это происходило ночью.

Монка искали везде. Подобных масштабных операций по поимке преступника в истории Соединенного Королевства еще не было. Но все напрасно. Не удалось найти ни Монка, ни тел его жертв – близнецов Беннетт и Тины Уильямс. В ходе расследования обнаружили в его трейлере расческу и губную помаду Зоуи Беннетт. Прошло три месяца, и Монк чуть ли не сам вышел на своих преследователей. Его случайно заметили на торфяниках. Он сидел на обочине проселочной дороги, весь грязный. Сопровствления аресту не оказал. На процессе признал себя виновным в четырех убийствах, однако отказался назвать места захоронения своих жертв. Поглядывал исподлобья на публику и презрительно ухмылялся.

Поскольку убийца оказался за решеткой, общественность успокоилась. О Монке стали постепенно забывать. А о том, что тела трех погибших от его руки девушек так и не нашли, предпочитали молчать. Такое бывает.

И вот теперь ситуация начала проясняться. Похоже, обнаружили первое захоронение, над которым сейчас криминалисты разбили ярко-синюю палатку, напоминающую светящийся маяк на фоне однообразной желтовато-коричневой вересковой пустоши. Это было почти рядом с узкой, запруженной грязью проселочной дорогой. Не очень далеко от шоссе.

Я постоял несколько секунд под мелкой изморосью, вдыхая резкий запах влажного торфа, а затем направился к палатке.

2

От дороги к палатке тянулся коридор, образованный натянутой полицейской пленкой. Сновавшие по нему люди изрядно намесили грязи, так что двигаться приходилось с трудом. У входа в палатку, переминаясь с ноги на ногу, стоял кинолог с собакой, немецкой овчаркой. Она напряженно следила за моим приближением.

– Мне нужно видеть старшего следователя Симмза, – сказал я, вопросительно посмотрев на кинолога.

Тот не успел ответить. Откинулся полог палатки, и оттуда выглянул некий полицейский чин лет сорока, но начальственный вид делал его старше. На странно гладком для такого возраста лице выделялись усы. Они как бы сглаживали эту нежелательную молодость и делали похожим на военного. Белый одноразовый комбинезон этого человека не украшал, и он смотрелся в нем нелепо. Когда он отбросил назад защитный капюшон, стали видны черные волосы, причем аккуратная прическа была нисколько не потревожена.

– Доктор Хантер? Я Симмз.

Разумеется, кому еще мог принадлежать этот голос, подчеркнуто официальный и властный. Он пару секунд поелозил по мне тусклым оценивающим взглядом, затем буркнул:

– Мы ожидали вас полчаса назад, – и исчез за пологом.

Вот и познакомились.

Кинолог посторонился, пропуская меня в палатку. Привыкнув к полумраку, я разглядел там нескольких криминалистов в одинаковых белых комбинезонах. Каждый был чем-то занят. Исходящий от синих стенок палатки рассеянный свет придавал предметам таинственный вид. В холодном влажном воздухе пахло затхлостью, свежевскопанной землей и еще чем-то менее приятным.

Захоронение находилось в центре. Его освещали поставленные по кругу переносные фонари. Их лучи влажный воздух слегка окутывал паром. Я вгляделся в темный торфяной прямоугольник, окаймленный металлической сеткой, на краю которого стоял на коленях высокий крупный мужчина – наверное, криминалист. Застыв в позе хирурга, оторвавшегося от операции, он внимательно рассматривал только что извлеченный из почвы перепачканный грязью предмет. В принципе это могло быть что угодно – камень, спутанный корень растения, – но если приглядеться как следует, то становилось очевидно, что из мокрой земли торчит почти разложившаяся человеческая рука.

– Патологоанатом здесь был, но уехал по делам, – произнес Симмз. Я и не заметил, что он стоит рядом. – Вернется, когда труп будет готов к перевозке. – Старший следователь на секунду замолчал. – Доктор Хантер, это профессор Уэйнрайт, судебный археолог, он будет руководить эксгумацией. Вы наверняка слышали о нем.

Я пристально вгляделся в человека у захоронения. Разумеется, слышал о нем. Профессор из Кембриджа Леонард Уэйнрайт был одним из самых известных судебных экспертов в стране, чей авторитет придавал основательность любому расследованию. Но в академических кругах его недолюбливали. Уэйнрайт имел обыкновение безжалостно расправляться с любым, кого считал конкурентом. Он обрушивался с уничтожающей критикой на все эти, как он выражался, «новомодные течения в криминалистике». В общем, хорошо было только то, что делал он сам, а все остальное плохо или очень плохо. Не давала ему покоя и криминальная антропология, делающая в последнее время серьезные успехи и частично пересекающаяся с его дисциплиной. Я читал статьи профессора и усмехался. Но одно дело сидеть в кресле с журналом в руках, а другое – работать с этим человеком.

Уэйнрайт поднялся, громко щелкнув артритными коленными суставами. Ему было за шестьдесят – верзила в заляпанном грязью комбинезоне, который с трудом на себя натянул.

Он медленно снял с лица маску – его мясистые пальцы в белых латексовых перчатках напоминали сардельки, – открыв грубо вылепленное лицо римского патриция, и произнес с холодной улыбкой:

– Рад знакомству, доктор Хантер. Уверен, что получу удовольствие от работы с вами.

Голос у него был громкий и гулкий, свойственный прирожденным ораторам. Я изобразил на лице улыбку.

– И я тоже.

– Лесник с помощником обнаружили это захоронение вчера вечером, – сказал Симмз, поглядывая на торчащий из земли предмет. – Как видите, неглубокое. Слой земли очень тонкий, фута через три начинается скала. В таких местах покойников не хоронят. Но к счастью, убийца этого не знал.

Я опустился на колени, чтобы осмотреть почву, из которой высывалась сгнившая человеческая рука.

– О, торф. Тут все может быть по-иному.

Уэйнрайт промолчал, лишь сдержанно кивнув. Как археолог, он, наверное, знал о свойствах торфа замедлять разложение.

– Похоже, дождем смыло верхний слой почвы, и обнажилась рука. Ее-то и увидели лесник с помощником, – продолжил Симмз. – Они, конечно, покопались тут немного, желая убедиться, что это человеческое захоронение.

– Слава Богу, что не сильно напортили, – заметил Уэйнрайт и посмотрел на меня.

Я разглядывал руку, вернее, то, что от нее осталось, – кистевые кости. Почти все мягкие ткани обглодали животные. Отсутствовали первые два пальца. Неудивительно. Ведь здесь побывали лисы, а также вороны и чайки.

Меня заинтересовало одно обстоятельство. Кистевые кости были сломаны. Не перегрызены зубами животных, а именно сломаны.

– Кто-то из обнаруживших захоронение, вероятно, наступил на руку, когда копал, – сказал я.

– Нет, – возразил Симмз. – Они утверждают, что действовали очень осторожно. А в чем дело?

– Да вот, пальцы сломаны. Но животные тут ни при чем.

– Да, я заметил, – медленно проговорил Уэйнрайт.

– Вы думаете, это существенно? – спросил Симмз.

– Судить пока рано, – быстро ответил за меня Уэйнрайт. – Если только у доктора Хантера есть какие-то соображения?..

Я не собирался высказывать никаких соображений.

– Пока нет. А нашли еще что-нибудь?

– Две небольшие кости рядом с захоронением. Но они не человеческие. Их вам покажут. – Симмз посмотрел на часы – Мне пора на пресс-конференцию. Профессор Уэйнрайт введет вас в курс дела. Вы будете работать под его непосредственным руководством.

Все правильно. Эксгумацией должен руководить судебный археолог. А затем свое слово скажет патологоанатом. Но мне не нравилась перспектива становиться ассистентом Уэйнрайта.

– А нельзя ли, чтобы профессор выполнял свою работу, а я свою?

Симмз холодно посмотрел на меня.

– Доктор Хантер, мы с Леонардом давние знакомые. Работали вместе по многим делам. И должен добавить, весьма успешно.

– Я не...

– Вас рекомендовали с самой лучшей стороны, но мне нужна сплоченная команда. Довести до конца это расследование для меня очень важно. Понимаете?

– Да.

– Вот и прекрасно. Да, Джером Монк за решеткой, но моя работа завершится, когда мы отыщем останки его жертв и передадим родственникам. Возможно, мы нашли захоронение одной из них. – Симмс посмотрел на меня со значением. – Итак, надеюсь, мы договорились. Оставляю вас, джентльмены, работайте спокойно. – И он скрылся за полами палатки.

Мы помолчали, затем Уэйнрайт театрально воскликнул:

– Итак, доктор Хантер, давайте начнем!

Время тянулось медленно. Порой казалось, будто оно вообще остановилось в этой палатке. Темный торф неохотно расставался со своей добычей, цеплялся за полуразложившуюся плоть, не отпускал. Границы захоронения, сделанные в обычной почве, определить несложно. Место, откуда земля была извлечена, а затем возвращена, отличается от соседних участков. Если это торф, то все гораздо сложнее. Он пропитан водой, как губка, не крошится и не разваливается, как иные виды почвы. Для работы с ним нужно быть внимательным и умелым.

Уэйнрайт был и тем и другим.

Я бы не удивился, если бы он вообще отказался от моей помощи, но он принял ее охотно. Отбросив предубеждение, я был вынужден оценить, насколько хорош в своем деле этот криминалист-археолог. Его большие руки оказались ловкими и проворными. Они осторожно, с хирургической точностью соскабливали мокрый торф, обнажая останки человеческого тела. Мы стояли на коленях рядом, на металлических пластинах, которыми были выложены края захоронения, постепенно извлекая из земли погребенное там тело.

Наконец Уэйнрайт нарушил молчание, показав мне на лопатке разрубленного пополам земляного червя:

– Удивительные существа, эти *Allolobophora*. Казалось бы, простейший организм, ни мозга нет, ни нервной системы. Разрубишь его на несколько частей, а ему хоть бы что. Живет себе и в ус не дует. Конечно, это миф. Но вот вам и урок – не верьте всему, что говорят.

Он отбросил червя в сторону, положил лопатку и поморщился.

– Проклятый артрит, не дает покоя. Вам, молодым, слава Богу, подобное неведомо. Вы из Лондона?

– Да. А вы?

– Я местный. Из Торбея. Отсюда недалеко. Вы тащились сюда несколько часов, верно? – Он потер поясницу. – Ну и как вам наш Дартмур?

– Уныло тут. И мрачно.

– О, приезжайте сюда в другое время года. Эта земля – Божий дар, особенно для археолога. Здесь найдена самая обширная коллекция артефактов бронзового века в Британии, а все эти поросшие вереском холмы – настоящий промышленный музей. Старинные свинцовые и оловянные рудники прекрасно сохранились, как мухи в янтаре. Прелесть! Во всяком случае, для динозавра вроде меня. Вы женаты?

– Да.

– Разумно поступили. Хорошая женщина помогает сохранить рассудок. А вот каково им при этом приходится – другой вопрос. Моя жена определенно заслуживает медали, о чем постоянно мне напоминает. – Он усмехнулся. – Есть дети?

– Дочь Элис, пять лет.

– Хороший возраст. У меня двое дочерей, но обе уже улетели из гнезда. Так что наслаждайтесь ребенком, пока можно. Поверьте мне, десять лет пролетят незаметно, вы и оглянуться не успеете, а ваша маленькая девочка куда-то подевалась.

Я улыбнулся:

– Ну, нам еще до этого далеко.

– Вот-вот, я и говорю, получайте удовольствие. И позвольте дать вам совет.

– Пожалуйста.

– Всегда придерживайтесь принципа: дом отдельно, работа отдельно. Пришли домой – забудьте о работе. Все эти ужасы и мерзость. Забудьте. Это всего лишь работа. – Он взял лопатку и повернулся к захоронению. – Вообще-то я кое-что о вас знаю. Ведь вы по образованию врач?

– Да, у меня диплом врача, но я переквалифицировался в антрополога. А с кем вы разговаривали обо мне?

Уэйнрайт наморщил лоб:

– Что-то не могу припомнить. Память подводит. Думаю, вас упомянул в беседе кто-то на конференции криминалистов. Речь шла о новом поколении, добившемся успеха. В числе других назвали и вас.

Не скрою, я был польщен.

– Приличный скачок вы сделали – от медицины до антропологии, – продолжил он, деловито работая лопаткой. – Полагаю, вы учились в США. Исследовательский центр в Теннесси?

– Да, я провел год там, в антропологическом исследовательском центре.

Это было еще до встречи с Карой, когда я решил переключиться с живых на мертвецов. Можно было ожидать, что профессор Уэйнрайт отпустит в адрес центра какое-нибудь пренебрежительное замечание, но этого не случилось.

– Весьма приличное заведение. Но не для меня. Должен признаться, терпеть не могу калифоридов. Противные существа.

– Я тоже не большой их поклонник, но они приносят пользу.

Калифориды, они же мясные мухи-падальницы. По их поведению легко проследить за этапами разложения плоти.

– Да. Жаль, что в процессе разложения этого тела они участия не принимали. Для них тут слишком прохладно. – Он показал лопаткой на останки, которые мы успели с ним извлечь. – Итак, каково ваше мнение?

– Я предпочел бы его высказать, когда тело доставят в морг.

– Конечно. Но я уверен, вы уже сделали кое-какие выводы.

Его лицо закрывала белая маска, но чувствовалось, что он улыбается. У меня не было желания рассуждать сейчас на данную тему, потому что когда останки очистят от земли и промоют, они будут выглядеть иначе. Но в палатке, кроме нас, никого не было, и Уэйнрайт оказался вовсе не таким страшным, как я ожидал. К тому же хотелось дать ему понять, что он не единственный, кто в этом разбирается. Ходили слухи, будто он считает криминальную антропологию чуть ли не лженаукой.

Я присел на корточки, размышляя над тем, что лежало перед нами.

Торф – уникальная субстанция. Он состоит из гниющих и сгнивших растений, а также останков животных и насекомых, и большинство населяющих землю бактерий и насекомых существовать в нем не могут. Данная среда для них враждебна. Помещенные в него органические вещества благодаря низкому содержанию кислорода и высокой кислотности, напоминающей уксус, подвергаются эффективному дублению, как образцы в лабораторном сосуде. На севере в болотных торфяниках найдены сохранившимися огромные туши мамонтов с бивнями. Трупы людей сотни лет лежали в торфе неповрежденными вопреки всем законам природы. В пятидесятые годы двадцатого века в деревне Толлунд в Дании обнаружили труп мужчины с веревкой на шее, который настолько хорошо сохранился, что поначалу решили, будто это жертва недавнего преступления. Потом выяснили, что человека действительно убили, но чуть ли не тысячу лет назад.

Но свойства, делающие торф благом для археологов, криминалистам вредили, существенно затрудняя определение точного времени наступления смерти. Впрочем, в данном случае я сомневался, что это окажется серьезной проблемой. Извлечена была примерно половина

трупа. Он лежал на боку, скорчившись в позе зародыша с высоко поднятыми коленями. С торса свисал тонкий женский топик, сквозь который просвечивали контуры лифчика. На бедрах болталась современная короткая юбка. На извлеченной правой ноге туфля на высоком каблуке.

Все было покрыто затвердевшим черным торфом, но не мешало видеть, насколько ужасно изуродовано тело. Сквозь грязную материю отчетливо проглядывались очертания сло-манных ребер и конечностей. Под слипшимися спутанными волосами я видел деформирован-ный череп, раздавленные нос и скулы.

– Пока могу лишь констатировать очевидное, – произнес я.

– Например?

Я пожал плечами.

– Женщина. Впрочем, возможно, и транссексуал, хотя вероятность этого ничтожна.

Уэйнрайт вздохнул:

– Боже! В мое время никому даже в голову не приходило рассматривать подобную воз-можность. Как все изменилось. Пожалуйста, продолжайте.

– Пока трудно определить, как давно его здесь захоронили. Разложение объясняется тем, что лежало оно не глубоко от поверхности. Это позволяло более или менее активно действовать аэробным бактериям, живущим в кислородной атмосфере.

Уэйнрайт кивнул, соглашаясь.

– То есть захоронить тело вполне мог Монк? Не более двух лет назад?

– Наверное. Но давайте пока воздержимся от конкретных оценок.

– Хорошо. А как повреждения?

– Сейчас рано говорить, были они сделаны до наступления смерти или после, но девушку сильно искалечили. Очевидно, с применением какого-то орудия. Трудно представить, чтобы кто-нибудь мог сломать кости голыми руками.

– Даже Джером Монк? – Уэйнрайт улыбнулся. – Тут гадать нечего, Дэвид. Его работа.

– Я решу это окончательно, когда можно будет внимательно осмотреть скелет.

– Вы осторожный человек, мне это нравится. Но девушка, судя по одежде, была того же возраста, что и его жертвы. Короткие юбки носит молодежь не старше двадцати одного года.

– Но...

Он гулко хохотнул.

– Знаю, знаю, все надо тщательно изучить, но тут, кажется, ответ лежит на поверхно-сти. Девушка жестоко избита до смерти и обнаружена похороненной на заднем дворе Джерома Монка. Дорогой мой, если перед вами незнакомый предмет, который выглядит как рыба и пах-нет рыбой, что это такое?

Его манера говорить меня раздражала, но он был прав.

– Подобное возможно.

– Ладно, с этим решили. Теперь осталось выяснить, которая из них. Одна из близнецов Беннетт или Уильямс?

– Определим по одежде.

– Правильно, но в этом, уверен, вы разбираетесь лучше меня. – Уэйнрайт усмехнулся. – Так что выкладывайте. И не надо смущаться, вы же не в суде свидетельствуете.

Ну что мне оставалось делать?

– Сестры Беннетт были высокие. Стройные девушки модельного типа. А эта несчастная ростом пониже. Сейчас ее тело согнуто, но о росте можно судить по длине бедренных костей. Полагаю, девушка имела рост не более ста шестидесяти сантиметров.

Конечно, я немного загнул насчет точности определения роста по длине бедренной кости. Но у меня на подобное наметан глаз.

Уэйнрайт задумался.

– Черт возьми, как я сам не заметил!

– Но пока ничего не ясно. Только предположение.

Он метнул на меня взгляд, отнюдь не такой веселый, каким был минуту назад, затем гулко рассмеялся.

– Вы правы. Это скорее всего Тина Уильямс. – Уэйнрайт деловито взял свою лопатку. – В любом случае давайте ее выкопаем. – Он сказал это с таким видом, будто разговор затеял я, а он наконец-то его остановил.

Мы долго молча работали. Вскоре к нам подключился криминалист, выгребавший из могилы торф. Тело было полностью извлечено к вечеру, когда стемнело. Появился Симмз с патологоанатомом, которого представил как доктора Пири.

Миниатюрный человечек. Если смотреть сзади, то можно принять за ребенка. А повернется – видно, что старик. Лицо морщинистое, глаза за очками в золотой оправе в форме полумесяца пронизательные и внимательные. Он подошел к краю захоронения, встал рядом с гигантом Уэйнрайтом, и мне невольно пришло на ум сравнение – домашняя собачка и крупный датский дог.

– Добрый вечер, джентльмены. О, я вижу, вы закончили. – Голос у него был звучный. Я еще ничего о нем не знал, но было ясно – Пири компетентен в своем деле на все сто процентов.

– Да, останки мы извлекли. Остальное завершат криминалисты. – Вдвоем стоять там было тесно, и Уэйнрайт отошел в сторону. Мне показалось, неохотно.

– Ну что ж... – Доктор Пири склонился над трупом. – Мило, очень мило...

Непонятно было, имеет ли он в виду факт извлечения останков или сами останки. Патологоанатомы – народ странный. Пири, похоже, не исключение.

Отойдя от захоронения, Уэйнрайт опустил маску и заговорил, как бы размышляя сам с собой:

– Это девушка, лет девятнадцати – двадцати, судя по одежде. – Он насмешливо скривил рот. – Доктор Хантер предположил, что это может быть транссексуал, но, я думаю, данную версию мы можем отбросить.

Я удивленно посмотрел на него.

– Вполне, – буркнул Симмз.

– Она сильно искалечена, – продолжил Уэйнрайт, оживляясь. – Вероятно, преступник орудовал дубинкой, но я допускаю, что он мог проделать такое и голыми руками. Скорее всего он необыкновенно силен.

– Об этом пока рано судить, – заметил Пири.

– Да, – мягко согласился Уэйнрайт. – Это выяснится после изучения трупа. Но если вы спросите меня, сколько времени девушка пролежала здесь, то я отвечу, что не более двух лет.

– Вы уверены? – резко спросил Симмз.

Уэйнрайт вскинул руки.

– Да. Достаточно сравнить степень разложения трупа и условия его пребывания в торфянике.

Я с удивлением смотрел на него. Симмз удовлетворенно кивнул.

– То есть это одна из жертв Монка?

– Именно так. И я бы рискнул предположить, что это Тина Уильямс. У достаточно рослых сестер Беннетт бедренные кости должны быть длиннее. Если память мне не изменяет, то рост погибшей Тины Уильямс был метр шестьдесят. Судя по длине бедренных костей, эта девушка, – он указал в сторону лежащих на краю захоронения останков, – вот такого роста. И повреждения у нее сходные с теми, какие Монк нанес Анджеле Картер.

Карсон, фамилия у Анджелы была не Картер, а Карсон. Но я был настолько зол, что не стал его поправлять. Уэйнрайт бессовестно пересказал сейчас то, что услышал от меня. Понимая, что протестовать я не стану. Какая мелочь!

– Совершенно определенно идентифицировать личность трупа будет достаточно трудно, – проговорил Пири.

Уэйнрайт пожал плечами:

– Ну что ж, назовите это обоснованной догадкой. Но я считаю, что двигаться нам нужно в данном направлении. – Он вопросительно посмотрел на Симмза.

Старший следователь возбужденно хлопнул ладонями по бедрам.

– Согласен. Доктор Пири, как скоро вы подтвердите, является ли погибшая Тиной Уильямс?

– Все зависит от состояния останков, после того как они будут очищены. – Тщедушный патологоанатом обратился ко мне – Я сделаю это быстрее, если мне будет помогать доктор Хантер. Травмы скелета по его части.

Я кивнул, но потрясение от того, что сделал Уэйнрайт, не проходило.

– Хорошо, – равнодушно произнес Симмз. Казалось, больше его здесь ничего не интересует. – Чем раньше мы объявим, кто тут захоронен, тем лучше. И можно надеяться, что Монк и близнецов зарыл где-то поблизости. – Он повернулся к археологу – Отличная работа, Леонард, спасибо. Передайте привет Джин. Мы вас ждем в воскресенье на ленч. Приходите, если свободны.

Уэйнрайт улыбнулся:

– С удовольствием.

Затем Симмз обратился ко мне, словно что-то вспомнив:

– Вы хотите что-нибудь добавить?

Я взглянул на Уэйнрайта. Он смотрел на меня с видом удовлетворенного хищника, будто говоря: «Ну что ж, давай, затевай скандал, любопытно, как у тебя получится».

– Нет, – ответил я.

– Ну тогда я пошел. Завтра начнем пораньше, – произнес Симмз.

3

Я ехал в мотель, весь дымясь от злости. Городок назывался Олдвич и был расположен в нескольких милях от Черной Скалы. Мне сообщили, что добираться туда менее двадцати минут, но у меня ушло в три раза больше времени. Наверное, свернул не в том месте. Сказалась усталость, да и настроение было паршивое. Надо же, позволил Уэйнрайту провести себя как простачка. А ведь я знал, что этот человек представляет собой.

Я вырулил к стоянке. Сквозь испещренное каплями дождя ветровое стекло с трудом читалась вылинявшая вывеска: «Приют одиноких странников». Однако внешний вид мотеля претенциозности названия не оправдывал. На стенах отслаивалась краска, крыша покосилась. Внутри запах застоялого пива, потертый ковер на полу, на стенах дешевый декоративный орнамент в виде конской упряжи. В баре пусто, камин не затоплен. Неприглядное зрелище. Но мне доводилось останавливаться в местах и похуже.

Хозяин заведения, лет пятидесяти, худой, но с изрядным брюшком, толкнул ко мне по истертой барной стойке ключи со сломанным брелоком и с кислым видом сообщил:

– Если хотите поесть, то поторопитесь. Через двадцать минут мы обслуживание заканчиваем.

Номер был примерно таким, как я ожидал. Не слишком чистый, но и жаловаться вроде не на что. Скрипучий матрас – я в этом сразу убедился, как только поставил на кровать сумку, – ванная комната, совмещенная с туалетом, без душа. Сантехника ржавая.

Но умывание и еда могли подождать. Вначале надо позвонить домой. Я сел на стул и достал мобильник. Я всегда старался звонить в одно и то же время, чтобы Элис воспринимала это как часть распорядка дня. Кара, по профессии врач-рентгенолог, работала в больнице три дня в неделю и всегда могла выкроить время, чтобы забрать дочку из школы во время моих командировок. Когда она забеременела, мы долго обсуждали, как быть с ее работой. С ребенком мы намеревались подождать еще несколько лет, желая накопить денег, но не получилось. Впрочем, ни она, ни я об этом не жалели. Когда Элис пошла в подготовительный класс, я не стал возражать, чтобы Кара вернулась в больницу на неполный рабочий день. Работа ей нравилась, да и дополнительные деньги не мешали.

– Ты позвонил вовремя, – сказала Кара. – Тут кое-кто заявил, что не пойдет спать, пока не поговорит с тобой. Передаю трубку.

– Папа, я нарисовала для тебя сюрприз.

Я улыбнулся.

– Еще одну лошадь?

– Нет, наш дом. Но шторы в нем желтые, потому что мне такие нравятся больше. Мама говорит, что и ей тоже.

Слушая восторженный голосок дочери, я чувствовал, как исчезает расстройство от общения с профессором Уэйнрайтом. Наконец Кара отобрала у дочери трубку и отослала чистить зубы.

– Как дела?

– Нормально. Тут, оказывается, работает Терри Коннорс, он заместитель старшего следователя. По крайней мере одно знакомое лицо.

– Терри? Попроси, чтобы он передал от меня большой привет Деборе. Сколько ты там пробудешь?

– Пару дней, а там видно будет.

Мы говорили до тех пор, пока не пришло время укладывать Элис спать. Затем я умылся, переоделся и спустился в бар, совсем забыв о предупреждении хозяина. Двадцать минут уже почти истекли.

При моем появлении он многозначительно посмотрел на часы:

– Еще две минуты, и вы бы опоздали.

– А я вообще везунчик.

Хозяин кинул на меня недовольный взгляд и, плотно сжав губы, отправился выполнять мой заказ.

В баре появились посетители, скорее всего полицейские из команды Симмза. За столом неподалеку сидела молодая женщина с раскрытой папкой. Читала, рассеянно тыкая вилкой в тарелку. Рядом столик был свободен, и я сел за него со своей выпивкой. Она продолжала читать, не обращая внимания.

Явился хозяин со столовыми приборами.

– Этот столик заказан.

– На нем не написано.

Он недовольно скривил губы.

– И все же вам придется пересесть.

Я не стал спорить и приблизился к молодой женщине:

– Вы не возражаете?

Она не ответила. Хозяин с шумом положил передо мной столовые приборы и удалился. Посетительница наконец подняла голову. Я смущенно улыбнулся:

– Сервис тут ненавязчивый.

– Не делайте выводов, пока не попробуете здешнюю еду. Тогда впечатление будет полным. – Она захлопнула папку. Мне показалось, с раздражением.

– Наверное, мне следует найти другое место, – произнес я. – Не хочу вам мешать.

Пару секунд она молчала, а потом махнула рукой.

– Все в порядке, я уже закончила ужин. – Женщина отодвинула тарелку.

Незнакомка была хороша собой, но красота ее была скромной. Линялые джинсы, свободный свитер, зачесанные назад густые золотисто-каштановые волосы, перетянутые простой ленточкой. Похоже, ее совершенно не заботило, как она выглядит, да в этом и не было необходимости. Моя жена Кара была такой же. Что бы ни надела, все на ней смотрелось красиво.

Я покосился на папку на столе. В таких хранят полицейские документы.

– Вы из поисковой группы?

Она демонстративно сунула папку в сумку и холодно спросила:

– Вы репортер?

Ее вопрос удивил меня.

– Нет. Извините, я не представился. Дэвид Хантер, судебный антрополог. Приглашен для работы старшим следователем Симмзом.

Она с облегчением улыбнулась:

– Прошу меня извинить. Тут ведь крутятся репортеры, выспрашивают насчет расследования. Да, я тоже работаю у Симмза. – Она протянула руку. – Софи Келлер.

Ее пожатие было крепким. Очевидно, привыкла общаться с полицейскими, среди которых большинство мужчины.

– Чем вы занимаетесь, Софи?

Она улыбнулась. Очень славная у нее оказалась улыбка.

– Я психолог, моя специальность – поведение преступников.

– Правда?

Софи рассмеялась.

– Да.

– То есть вы составляете психологический портрет преступника?

– Не только. Сюда входит и анализ мотивов, и стратегия допроса подозреваемых, и многое другое.

– А как получилось, что вы не присутствовали сегодня у захоронения?

– Понимаете... – Она задумалась. – Я полагаю, для вас не секрет, что Симмс надеется найти поблизости захоронения и иных жертв Монка. Меня пригласили помочь в поисках, указать наиболее вероятные места нахождения захоронений. Моя специальность включает и поиск криминальных трупов.

– Как вы это делаете?

В последнее время были разработаны методы определения захоронений человеческих тел. Специальная авиасъемка с применением термального оборудования и кое-что другое, однако точность оставляла желать лучшего, особенно в таких местах, как Дартмур. И я не понимал, чем тут может помочь психолог, пусть и криминалист.

– О, у меня есть свои секреты, – произнесла она. – Но теперь вы знаете кое-что о моей специальности. Расскажите о своей.

Я посвятил ее в детали своей работы, прервавшись, когда хозяин принес мой ужин. Он поставил передо мной тарелку, видимо, не рассчитав силу. Немного подливки выплеснулось на стол. Вернее, коричневая маслянистая субстанция, похожая на подливку.

Я пошевелил вилкой месиво из переваренных овощей и серого мяса.

– Думаю, вы зря отказались от копченого лосося и фуагра в пользу этого блюда, – заметила Софи.

– Суровость окружающей природы требует суровой и простой пищи, – усмехнулся я, принимаясь за еду. – Откуда вы?

– Родилась в Бристоле, сейчас живу в Лондоне. Дартмур знаю хорошо, приезжала сюда на каникулы, когда была школьницей. Мне очень нравится, как вы удачно выразились: суровость здешней природы. Когда надоест то, чем занимаюсь сейчас, может, перееду сюда.

– Я в Дартмуре впервые, но немного знаю Бристоль. Там в окрестностях есть чудесные места. Моя жена из Бата.

– Вот как.

Мы улыбнулись друг другу, понимая, что границы нашего знакомства очерчены. Теперь, когда выяснилось, что я женат, можно расслабиться и вести себя свободно.

Софи была интересной собеседницей, остроумной и смешливой. Она поведала о себе, о своих планах на будущее, а я рассказал ей о Каре и Элис. Монка в разговоре мы не упоминали. Не очень приятная тема.

Я почувствовал чей-то взгляд и поднял голову. К нам направлялись Терри с Роупером. Терри удивленно вскинул брови, увидев нас за одним столом.

– Не знал, что вы знакомы.

Софи напряженно улыбнулась.

– Только что познакомились. Дэвид рассказал мне, чем занимается. Очень интересно.

– Да уж, – буркнул Терри.

Я кивнул ему и Роуперу:

– Садитесь, давайте немного выпьем.

– У нас нет времени, – произнес Терри. – Мы зашли, чтобы сообщить тебе новость. – Он обратился к Роуперу – Возьми пива, Боб.

– Какую новость? – спросил я.

– Помнишь, утром я сказал тебе, что уезжаю? – Терри делал вид, будто не замечает Софи. Словно ее вообще не было. – Так вот, я был в тюрьме, беседовал с Джеромом Монком.

Теперь понятно, почему Терри утром был таким возбужденным.

Софи неожиданно вскочила.

– Ты с ним беседовал? А почему не позвали меня?

– Об этом спроси у Симмса!

– Невозможно поверить, – выкрикнула Софи в ярости, – что ты поехал говорить с Монком без меня! Глупо пригласить психолога и не использовать.

Лицо Терри потемнело.

– Я уверен, старшему следователю очень понравится твое мнение о его умственных способностях.

– Так что у тебя за новость? – вмешался я, пытаюсь предотвратить ссору.

Терри зло взглянул на Софи и повернулся ко мне:

– Монк заявил, что согласен сотрудничать.

– То есть?

Терри помолчал пару секунд, будто собираясь с мыслями.

– Поможет найти другие захоронения.

4

Двигающийся по узкой дороге тюремный фургон, сопровождаемый полицейскими автомобилями и мотоциклами с включенными синими проблесковыми маячками, миновал заросшие кустарником развалины старого оловянного рудника, о котором упоминал Уэйнрайт. Он несколько раз подпрыгнул на ухабах и остановился у только что приземлившегося вертолета, винты которого еще продолжали лениво крутиться. Из автомобилей выпрыгнули вооруженные полицейские. Следом открылась передняя дверь тюремного фургона, откуда вылезли два охранника и направились к задней двери. Группа полицейских их заслоняла, но через несколько секунд дверь распахнулась и оттуда появился человек. Тюремные охранники вместе с полицейскими быстро сформировали вокруг него защитный кордон, но все равно похожая на белый футбольный мяч крупная выбритая голова была хорошо видна. Человек возвышался над окружающими. Его повели к вертолету. Он начал неуклюже подниматься по ступенькам в кабину и неожиданно поскользнулся, упав на колено. Высунувшиеся из кабины вертолета крепкие руки подхватили его и поставили на ноги. На секунду он оказался полностью виден – бесформенная фигура в тюремной куртке.

Затем преступник исчез внутри, и дверь кабины захлопнулась. Несущие винты вертолета завращались быстрее, он поднялся с земли, чуть покачнувшись и, развернувшись, двинулся над вересковой пустошью, вскоре превратившись в черную точку на сером небе.

Терри опустил бинокль.

– Ну как?

Я пожал плечами, глубже засовывая руки в карманы куртки.

– Прекрасно. Но лучше бы он не оступался. Где ты нашел такого двойника?

– Работает в главном управлении. Единственный у нас безволосый полицейский с похожей комплекцией. На самом деле на Монка несколько не похож, но, по-моему, сыграл свою роль хорошо.

– А стоило это возни?

– Да. Иначе бы придурки, репортеры свободной прессы, беспрестанно путались под ногами и мешали работать. А так они немного пофотографируют и успокоятся.

Что ж, Терри прав. Несмотря на то что все делалось в тайне, слух о том, что в поисках захоронений станет участвовать Монк, быстро распространился среди журналистов. Не пускать их в Дартмур было невозможно, пришлось отвлекать внимание с помощью ложной цели.

– А вот и настоящий, – произнес Терри, глядя в бинокль.

Примерно в миле отсюда в нашем направлении быстро двигались несколько автомобилей и фургон. Он посмотрел на часы.

– Пошли. Скоро начнется работа.

На оформление необходимых бумаг, позволяющих временно выпустить Монка из тюрьмы, ушло два дня. Значительную часть этого периода я провел в морге. Когда останки девушки тщательно очистили от земли и торфа, передо мной открылись увечья, которые нанес ей преступник. Легче было назвать кости, которые он не сломал. В некоторых местах они держались лишь на еще не полностью разложившихся сухожилиях и мягких тканях. Такое, наверное, могло случиться во время какой-нибудь ужасной автомобильной катастрофы, и просто не верилось, что это намеренно сделал человек.

– Причину смерти указать невозможно, – произнес доктор Пири невозмутимым тоном. – Она могла умереть от чего угодно. Повреждены почти все внутренние органы, сломана подъязычная кость и несколько шейных позвонков. К летальному исходу, несомненно, привели бы повреждения грудной клетки. Сломанные ребра наверняка пронзили бы сердце и легкие.

Впрочем, раны у молодой дамы были настолько тяжелыми, что она должна была умереть от болевого шока.

Надо же, «молодая дама». Как старомодно он выразился. Пожилой патологоанатом нравился мне все больше.

Он слабо улыбнулся.

– Как я сказал вчера, повреждения скелета – это больше по вашей части, доктор Хантер. Я не исключаю удушения, но удары по голове оказались настолько сильными, что в любом случае не выдержал бы ни позвоночник, ни подъязычная кость. Преступник, очевидно, был в сильной ярости.

– А как эти травмы в сравнении с нанесенными Анджеле Карсон?

Сегодня утром я получил копию протокола вскрытия и не имел возможности его прочитать, но сходство повреждений было явным.

– К сожалению, признаки сексуального насилия выявить не удалось. Слишком деградировали мягкие ткани. Я надеялся на торф, но мелкое захоронение сработало против нас. Жаль. – Он усмехнулся. – У Анджелы Карсон тоже много черепных и лицевых травм, хотя они не так тяжелы, как эти. Но тогда, кажется, Монку помешала полиция.

Я посмотрел на лежащие на прозекторском столе останки несчастной девушки. Было жутковато от того, что черты ее лица уже не выглядели человеческими. Лицо раздавлено как яичная скорлупа, кожа и мягкие ткани смешаны со сломанными костями скул и носа, превращены в пульпу.

– Психологи считают, что убийцы так издеваются над лицами своих жертв из-за ощущения вины перед ними. Их выводят из себя взгляды жертв, они не могут этого вынести. – Доктор Пири посмотрел на меня. – Как вам такое объяснение?

– Не хуже любого другого, – ответил я. – Но не могу представить подобных чувств у Джерома Монка.

– Пожалуй. В данном случае причина – либо темперамент безумца, либо садизм. Не исключено, что преступник получал от этого удовольствие. Честно говоря, я не знаю, что более чудовищно.

Не знал и я. Чтобы убить несчастную девушку, достаточно было и малой частицы приложенной силы. Преступник не только забил жертву до смерти, он просто растер ее в порошок. Невиданное свехубийство.

Я ожидал, что патологоанатом оставит меня работать с ассистентом, но он тоже принял участие в очистке скелета от грязи и остатков мягких тканей. Затем скелет нужно было соответствующим образом расчленить и погрузить в емкости с очищающим раствором. Эта часть моей работы, конечно, была необходима, но удовольствия не доставляла. А Пири хоть бы что.

– Знаете, я люблю смотреть, как работает коллега, – признался он, аккуратно срезая с кости сухожилие. – Всегда замечаешь что-нибудь новое. Сейчас таких, как я, осталось немного.

Наконец мы закончили работу. В том, что это Тина Уильямс, сомнений не было. В последний раз эту девятнадцатилетнюю девушку видели в торговом центре небольшого городка на севере Дартмура. На ней были одежда и украшения те же самые, что и обнаруженные в захоронении. К тому же она несколько раз посещала стоматолога, и ее идентифицировали по зубам. Нижняя и верхняя челюсти у нее были раздроблены, большинство зубов выбиты, но того, что осталось, оказалось достаточным для идентификации. Монк не знал, что его жертву могут определить по зубам, или ему это было безразлично.

Кроме того, он вряд ли ожидал, что захоронение найдут.

Я подробно описал в отчете травмы, нанесенные преступником Тине Уильямс. Они были ужасны. Переломы ключиц и большей части ребер, а также кистей обеих рук можно было отнести к категории простых, а вот лицевые кости имели так называемые переломы Лефорта. Это

когда сила от удара рассеивается из-за того, что задняя часть черепа упирается во что-то мягкое и потому остается неповрежденной. Видимо, девушка лежала лицом вверх на мягкой земле.

Меня удивило, что она не пыталась загордиться от ударов. В этом случае предплечье поднимается, и удар принимает локтевая кость. Происходит клиновидный перелом, медики называют его парирующим. Здесь же переломы локтевой и лучевой костей обоих предплечий были иными. Это означало, что в момент ударов Тина Уильямс либо была уже мертва, либо находилась без сознания, либо Монк ее связал.

Я склонялся к первому варианту. Всегда хочется надеяться на лучшее.

Оставалось ответить на вопрос, орудовал ли преступник голыми руками или нет. Разумеется, Монк был достаточно силен, чтобы проделать все без всяких ухищрений, но лобные кости черепа Тины Уильямс имели отчетливо искривленные переломы. Причем широкие, какие вызывает, например, удар молотка. Более вероятным мне казался вариант, что преступник раздавил ей лицо каблуком ботинка.

Он ее топтал.

Насильственная смерть – это всегда ужасно, но тут степень жестокости не укладывалась ни в какие рамки человеческого поведения.

И вот сейчас мне предстояло встретиться с преступником, который это совершил.

* * *

После того как стих шум вертолета, мы с Терри вернулись в небольшой лагерь, организованный на относительно ровной площадке среди торфяника. Там стояли полицейские автомобили и трейлеры. На дощатый тротуар из щелей постоянно вытекала черная грязь, и надо было идти по нему осторожно, чтобы не поскользнуться.

Я не собирался задерживаться в Дартмуре, но странное предложение преступника показать место захоронения Зоуи и Линдси Беннетт изменило ситуацию. Терри передал мне слова Симмза: тот хотел, чтобы я был под рукой, если захоронения действительно найдут.

– Ты нервничаешь? – спросила Кара, когда вчера вечером мы говорили с ней по телефону. – Перед встречей с Монком.

– А чего мне нервничать? Любопытно своими глазами увидеть настоящего маньяка. Такое случается не каждый день.

– Пожалуйста, держись от него подальше, – попросила жена.

– Не беспокойся, нас будут от него охранять.

– Надеюсь. – Голос Кары звучал взволнованно. Перспектива моей встречи с маньяком ее не радовала. – Как там Терри?

– С ним все в порядке.

– Я звонила Деборе. В первый раз за целую вечность. Мне показалось, она немного не в себе.

– В смысле?

– Разговаривала как-то уныло и неохотно. Думаю, они опять поссорились.

– У нас не было возможности нормально пообщаться. Терри очень занят. Но в любом случае он не стал бы мне ничего рассказывать. Не такие близкие у нас отношения.

На этом мы с Карой распрощались.

Возможно, Терри и поссорился с женой, но хлопот у него и без того хватало. Он выглядел усталым. Скорее всего недосыпал и пил слишком много кофе. Симмз беседовал с журналистами, давал пресс-конференции, а всю работу свалил на заместителя. Заслугу обнаружения захоронения Тины Уильямс Симмз приписывал исключительно себе. Вчера вечером в мотеле я включил телевизор, и сразу на экране возник старший следователь Симмз. Прежде чем переключить канал, я успел услышать его слова:

– Убийца Анджелы Карсон, Тины Уильямс и сестер Беннетт находится за решеткой, но расследование его злодеяний еще не завершено. Я не успокоюсь, пока не найду захоронение девушек-близнецов и не передам их останки родственникам.

Нечто похожее он изрек тогда в палатке. В общем, было ясно, что этот тип делает на расследовании карьеру, а работать за себя заставляет Терри.

– Все в порядке? – спросил я, решив прервать молчание.

– Какой тут, к черту, порядок. – Терри нервно посмотрел на часы. – Одного из самых опасных преступников в стране, а может, самого опасного, привезли из тюрьмы сюда, а я по-прежнему понятия не имею, почему этот сукин сын неожиданно решил с нами сотрудничать. – Он бросил на меня взгляд. – Извини. У меня действительно беспокойно на душе.

– Ты веришь, что он действительно решил показать место, где зарыл девушек?

Терри усмехнулся:

– Честно говоря, верится с трудом. Но скоро мы выясним. – Он посмотрел вперед и замер. – О, какая встреча!

Из трейлера, который служил буфетом, вышла Софи Келлер, с пластиковым стаканчиком дымящегося кофе в руке. В комбинезоне на два размера больше она походила на девочку, надевшую спецовку отца. Густые волосы стянуты сзади ленточкой. Следом за ней появился незнакомый мужчина среднего возраста, коренастый, с приятным лицом и густыми, с проседью, волосами, напоминавшими металлическую мочалку для чистки кухонной посуды. Она с улыбкой сказала ему что-то, а затем увидела Терри и помрачнела.

Эти двое определенно не любили друг друга. Вероятно, поссорились во время предыдущего расследования или просто не сошлись характерами, как кошка с собакой.

Терри посуровел. Не удостоив его взглядом, Софи тепло улыбнулась мне:

– Привет, Дэвид! Вы знакомы с Джимом Лукасом?

– Джим – наш эксперт по общим вопросам, – объяснил Терри. – Его помощь в подобных делах неоценима.

Пожатие у Лукаса было крепким.

– Рад познакомиться с вами, доктор Хантер. Как вы оцениваете перспективу поисков?

– Об этом спросите меня позднее.

– Мудрый ответ. И все же не каждый день такой монстр, как Джером Монк, решает выступить на стороне добра, верно?

– Мы понятия не имеем, что он решил, – проговорила Софи, глядя на Терри. – Вот если бы мне позволили с ним поговорить...

– Симмс дал указание, – буркнул Терри. – Ты будешь сопровождать Монка с охраной, но без контактов. Не нравится, обращай к шефу.

– Он не отвечает на мои звонки.

– Это не мое дело.

– Просто смешно. Я бы могла оценить поведение Монка, понять, искренне ли он хочет помочь нам, а вместо этого...

– Решение принято. Общаться с Монком буду только я и только на тему захоронений.

– А мы, значит, простые пешки?

– Не желаешь быть пешкой, так и скажи. Никто тебя насильно держать тут не станет.

Софи покраснела, Терри напрягся. Мы с Лукасом смущенно переглянулись. Обстановку разрядил подошедший Роупер.

– Что? – спросил Терри.

– Они будут здесь через десять минут.

Лицо Терри разгладилось, он расправил плечи.

– Хорошо.

– Подожди! – воскликнула Софи. – А как же...

Но Терри уже двинулся прочь, громко стуча ботинками по дощатому тротуару. Роупер, прежде чем последовать за ним, улыбнулся Софи, показав бледные десны.

– Не обращайтесь внимания. Сейчас он возбужден. Еще бы, такое событие.

Лукас взглянул на Софи:

– Я, пожалуй, тоже пойду. А вам не следует на него давить. Все равно ничего не добьетесь.

– Я прошу лишь позволить мне выполнять должным образом свою работу.

Лукас пожал плечами.

– Не забывайте, что Монк опасный хищник. Лучше от него держаться подальше.

Я боялся, что Софи сейчас крикнет на полицейского эксперта, но она лишь слабо улыбнулась.

– Мне он ничем не угрожает.

– Ладно, я пошел. Еще увидимся, – произнес Лукас.

Проводив его взглядом, Софи раздраженно перевела дух.

– Боже, до чего же мне это противно!

– Зачем принимать все близко к сердцу? – заметил я.

– Как же не принимать? – возмутилась она. – Почему Монк вдруг решил нам помогать? Только, пожалуйста, не говорите, что его стало мучить раскаяние.

– Может, ему посоветовал адвокат, чтобы снизить срок.

– Но до подачи первой апелляции он должен отсидеть не менее тридцати пяти лет. Вряд ли этот урод планирует свою жизнь так надолго.

– Полагаете, он надеется сбежать?

Я бы не рискнул спрашивать это у Терри, но всем известно, что побегі опасных заключенных чаще всего удаются при перевозке. А уж насколько опасен Джером Монк, не стоит и говорить. Но даже с учетом всего этого трудно было представить, как он может надеяться сбежать отсюда, окруженный охранниками и при наличии вертолета.

Софи с хмурым видом засунула руки в карманы.

– Вряд ли Монк сумеет убежать, но было бы лучше, если бы он рассказал в тюрьме, где он их зарыл. Так нет, он пожелал показать нам захоронения лично. И Симмс согласился. Этот человек настолько заиклен на том, чтобы найти трупы близнецов Беннетт, что позволил Монку диктовать условия. Совершенная глупость, но меня никто не хочет слушать.

– Но без Монка захоронения нам вряд ли удастся найти, – возразил я. – Значит, Симмс прав.

Софи усмехнулась:

– Два дня назад я указала на карте два вероятных места, где могут находиться захоронения близнецов Беннетт. Если бы Симмс заставил Монка указать какой-нибудь ориентир, я бы отыскала захоронения сама.

Я окинул взглядом торфяник, поросший вереском и папоротником. Он простирался во все стороны на многие мили. Мой скептицизм был ей ясен без слов. Ее щеки зарделись.

– Вы тоже не верите, что я смогла бы это сделать?

– Нет, но... глядя на просторы...

– Вы знаете, что такое метод Уинтропа? – спросила она и пояснила – Это техника, которую разработали в армии Северной Ирландии для обнаружения тайных складов оружия. Любой человек, что-либо прячущий, в том числе и мертвое тело, неосознанно использует на местности различные ориентиры – отдельно растущие большие деревья, валуны и прочее. Метод Уинтропа позволяет найти на местности наиболее вероятные места, где может быть что-нибудь спрятано.

– И метод работает?

– Странно, но да, – резко ответила она. – Он не гарантирует стопроцентного успеха, но полезен для таких ситуаций, как эта. Допустим, Монк действительно хорошо знает данные

места, но он убил сестер Беннетт год назад. И зарывал их скорее всего ночью, а за год место уже заросло травой. Я не верю, что он сумеет его легко вспомнить даже при сильном желании. Ему надо помочь.

Логика Софи мне нравилась, я с ней почти согласился, но тут наш разговор прервал шум автомобилей. В нашу сторону медленно двигались несколько машин.

В одной из них находился Монк.

5

После напряженной сцены с двойником прибытие настоящего преступника было скромным. Никаких вспыхивающих проблесковых маячков или ожидающего вертолета. Фургон без опознавательных знаков, сопровождаемый двумя полицейскими автомобилями. И все. Их встретили Терри с Роупером и группа полицейских. Кинолог с немецкой овчаркой присутствовал тоже. Кортёж остановился довольно далеко от площадки. Как только двигатели перестали работать, воцарилась тишина, которую нарушили щелчки открывающихся дверей. Охранников было несколько, кажется, четверо, и оружия я у них не заметил, кроме болтающихся на поясах дубинок. Впрочем, они все были крупные, сильные мужчины.

Наконец задняя дверца фургона открылась, и оттуда высунулась огромная голова. Совершенно лысая, а может, и бритая. Проход заслонило не менее огромное туловище. Джером Монк прыгнул на землю, не замечая ступенек. И вот тогда я его увидел в первый раз, как говорится, воочию.

Нас разделяло ярдов двадцать, но даже с такого расстояния можно было оценить его внешность. Руки закованы в кандалы – приглядевшись, я увидел, что и ноги тоже, – но это его совершенно не беспокоило. Монк выглядел настолько мощным, что верилось – да, он может разорвать цепи без всякого усилия. Но просто пока не хочет. Торс у этого человека был огромный, а бритая голова казалась гипертрофированной.

– Потрясающий урод. Не человек, а животное, верно? Я оглянулся. Рядом стоял Уэйнрайт. В дорогом пальто, вокруг шеи стильно закручен и заброшен на плечо шарф. Он не понизил голоса, и его слова были отчетливо слышны в тишине.

Я замер. Огромная круглая голова Монка резко развернулась в нашу сторону. Фотографии, которые мне довелось видеть, не давали полного о нем представления. Особенно впечатляла вмятина на лбу. Словно там ударили кувалдой и Монк после этого каким-то чудом выжил. Под скулой виднелась ссадина, засохшая. Рот преступника кривился в усмешке, будто он постоянно насмехался над отвращением, которое вызывал у людей.

Но по-настоящему страшными были его глаза. Маленькие, немигающие, безжизненные и пустые, похожие на черные стекляшки. Когда они уставились на меня, я почувствовал легкий озноб. Но они тут же переметнулись на Софи, задержались на секунду на ней и остановились на Уэйнрайте.

– Не нравится, не смотри, придурок.

Выговор был у него местный, а голос хриплый. Реплику эту, конечно, следовало пропустить, но профессор не привык, чтобы с ним так разговаривали. Он насмешливо произнес:

– Надо же, эта тварь умеет говорить.

Монк резко шагнул в его сторону, цепь между кандалами на ногах туго натянулась. Однако далеко ему уйти не удалось. Его схватили за руки двое тюремных охранников. Крупные мужчины, но преступник был сильнее. Я видел, как они напряглись, чтобы его удержать.

Подошел старший группы, пожилой, с короткими седыми волосами. Он потрепал Монка по плечу.

– Успокойся, Джером. Все в порядке.

Убийца продолжал пристально смотреть на Уэйнрайта. Его плечи и предплечья были массивные, словно под курткой там подложили шары для боулинга. Темные глаза впились в Уэйнрайта.

– Назови свое имя.

Тут уж вмешался Терри, который до этого с тревогой следил за развитием событий:

– Это тебя не касается.

– Отчего же. Если он желает знать, с кем имеет дело, я охотно ему сообщу. – Уэйнрайт выпрямился в полный рост и смело посмотрел преступнику в лицо – Я профессор Леонард Уэйнрайт. Назначен эксгумировать тела молодых женщин, которых ты убил. Надеюсь, ты покажешь, куда их зарыл.

Рот Монка еще сильнее скривился в усмешке.

– Профессор... вот оно что. – Он помолчал, будто обдумывая полученную информацию, а затем неожиданно уставился на меня. – А ты кто?

– Дэвид Хантер.

– Хантер¹? – удивился Монк. – Какая у тебя подходящая фамилия.

– У тебя, Монк², не хуже, – ответил я.

Монк будто закашлялся, и только секунду спустя я сообразил, что он смеется.

– Остроумно, ничего не скажешь.

Подобного замечания от него не ожидал никто. А он сосредоточил внимание на Софи. Но Терри его остановил.

– Все, знакомства закончились. – Он сделал знак охранникам вести его вперед. – Пошли, мы зря теряем время.

– Ты слышал, что тебе сказали, смехач? – Кряжистый бородатый охранник попытался подтолкнуть Монка. С таким же успехом он мог бы попытаться толкнуть каменное изваяние.

Преступник повернул голову и уставился на него.

– Не смей меня толкать. Я сам пойду, когда захочу.

Атмосфера накалилась. Я видел, как грудь Монка вздымается и опускается, в углах рта образовались пузырьки слюны. Сквозь кордон полицейских к Терри протиснулся человек.

– Я Клайд Доббз, адвокат мистера Монка. Мой клиент согласился добровольно сотрудничать. Полагаю, насилия к нему применять не требуется.

У адвоката был тонкий гнусавый голос, скучный и вкрадчивый. Ему было за пятьдесят, редкие седоватые волосы, невыразительные черты лица. Он был в непромокаемой куртке и высоких резиновых сапогах. Дипломат в его руке выглядел совершенно неуместно. Я гадал, действительно ли в нем находятся какие-то нужные ему в данный момент бумаги или он носит его по привычке.

– Никто ни к кому не применяет насилия, – буркнул Терри, кивнул бородатому охраннику, и тот неохотно отпустил руку Монка.

– Спасибо, – сказал адвокат. – Пожалуйста, продолжайте.

Терри стиснул зубы и посмотрел на охранников. Те снова попытались подтолкнуть Монка вперед.

– Отвалите! – взревел Монк. Его глаза вдруг стали безумными.

Я ошеломленно наблюдал за происходящим, не в силах поверить, что все так быстро разладилось. Теперь многое зависело от Терри, какое он примет решение. Но тот стоял будто в ступоре. Ситуация становилась критической. И тут ее неожиданно разрешила Софи. Она смело вышла вперед:

– Привет, Джером. Я Софи Келлер. Хочу помочь тебе найти захоронения.

Монк пару секунд молчал, затем буркнул:

– Мне не нужно никакой помощи.

– Прекрасно. Тогда все будет проще. Но я останусь рядом, на всякий случай, хорошо? – Она улыбнулась, словно разговаривала с обычным человеком. – Думаю, тебе будет легче идти, если снимут кандалы с ног.

¹ От hunter (англ.) – охотник. – Здесь и далее примеч. пер.

² От monk (англ.) – монах.

Не переставая улыбаться, она повернулась к Терри, как бы приглашая его принять участие в игре. Я заметил, как переглядываются полицейские. Щеки Терри порозовели. Он кивнул охранникам.

– Только ноги. Наручники оставьте.

Голос у него по-прежнему звучал властно, но все заметили, что Терри едва не потерял контроль над ситуацией. И если бы не вмешалась Софи, неизвестно, как бы все обернулось. Она не только разрядила напряжение, но и сумела установить контакт с Монком.

Освободившись от кандалов на ногах, преступник медленно двинулся по тропе, поглядывая на Софи.

– Похоже, мисс Келлер удалось немного приручить это чудовище, – произнес Уэйнрайт, когда мы последовали за ними по тропе.

– Она молодец, – отозвался я.

– Вы так считаете? – Уэйнрайт недовольно посмотрел им в спины. – Ну что же, давайте надеяться, что чудовище ее не укусит.

Поросший вереском заболоченный торфяник, казалось, делал все, чтобы затруднить нам передвижение. Похолодало, и пошел дождь. Но Джером Монк ничего этого не замечал. Он стоял у разрытого захоронения Тины Уильямс, вода стекала по его бритому черепу, капала с лица, которое вполне могло служить горгульей на фронтоне средневекового собора. Что касается остальных, то им погода не была безразлична.

– Ничего мы от него не добьемся! – раздраженно буркнул Уэйнрайт, стряхивая с лица капли дождя. В натянутом поверх пальто специальном комбинезоне он выглядел еще массивнее и крупнее.

Палатку убрали, но место захоронения по-прежнему огораживала полицейская лента. Там уже была сплошная грязь. И вокруг тоже. Уэйнрайт поскользнулся и чуть не упал. Я попытался ему помочь, протянул руку, но профессор недовольно буркнул: «Все в порядке», – и выпрямился. Даже Монк с трудом удерживал равновесие, правда, ему мешали наручники.

Адвокат, Уэйнрайт, Софи и я стояли поодаль от группы, окружающей преступника. К ним присоединился проводник с поисковой собакой, спаниелем, натасканным на отыскание трупов. Собака чуяла малейшее присутствие газов, образующихся при разложении, но вначале нужно было такое место найти. А Монк не торопился его указывать.

Он вглядывался в заполненную мутной водой неглубокую яму, где была зарыта Тина Уильямс, и кривил губы в привычной ухмылке. Теперь я уже достаточно к нему пригляделся и понял, что это не ухмылка, а просто так устроен у него рот. Тоже своего рода дефект.

– Напряги память, Монк, – произнес Терри.

Тот молчал. Он походил на истукана, высеченного из того же самого гранита, что и Черная Скала. И соответственно реагировал на замечания.

Бородатый охранник ткнул его в бок:

– Ты слышал, что тебе сказали, смехач?

– Убери свои грязные руки! – раздраженно бросил Монк не оборачиваясь.

Адвокат картинно вздохнул.

– Думаю, мне не нужно никому здесь напоминать, что мой клиент согласился прибыть сюда добровольно. Если к нему применят насилие, то вам придется данное мероприятие отменить.

– Никто никого тут не подвергает насилию, – возразил Терри. Чувствовалось, что он напряжен настолько, что из него вот-вот брызнут искры. – Если ваш клиент прибыл сюда, как вы выразились, добровольно, то почему я не могу задавать ему вопросы?

Адвокат не унимался:

– В условиях перемещения моего клиента из тюрьмы четко оговорено, что его задача – помочь обнаружить захоронения Зоуи и Линдси Беннетт, и ничего более. Если вы желаете спросить его о чем-либо другом, то мы можем вернуться в тюрьму и провести там официальный допрос в соответствующей обстановке.

– Да, да, конечно. – Терри кивнул, едва слушая адвоката. Он смотрел на преступника. – Время истекло, Монк. Ты уже достаточно осмотрел достопримечательности. Пора двигаться дальше. Туда, где закопаны другие. Если передумал, отправляйся обратно в свою камеру.

Монк взгляделся в торфяник, затем, звякнув наручниками, потер череп.

– Это вон там.

Все посмотрели туда, куда он показал. В сторону от дороги. Там виднелись камни и островки зарослей утесника. Больше ничего примечательного. Ровная местность, поросшая травой и вереском.

– Где именно? – спросил Терри.

– Я же сказал тебе. Вон там.

– Почему не рядом с Тиной Уильямс?

– А я никогда не говорил, что это рядом.

– Так какого черта ты привел нас сюда?

– Просто захотел посмотреть.

Терри едва сдерживался. Я никогда не видел его таким взвинченным. Но он не имел права потерять самообладание. Терри сделал над собой усилие.

– Это далеко отсюда? Пятьдесят ярдов? Сто? Полмили?

– Узнаю, когда подойду.

– Может, ты вспомнишь какие-нибудь ориентиры поблизости? – быстро спросила Софи. Терри раздраженно вздернул голову, но прерывать ее не стал. – Большой камень, куст?

Монк перевел взгляд на нее.

– Не могу вспомнить.

Уэйнрайт презрительно усмехнулся:

– Надо же, не помнит.

И снова бас профессора стал отчетливо слышен в наступившей тишине. А Монк развернулся к нему.

– Вспомни хоть что-нибудь, Джером, – попросила Софи. – Попытайся.

– Ладно, – процедил Терри, – закончим с этим. Пошли, покажешь.

Софи яростно посмотрела на него, но все уже двинулись вслед за Монком и окружающими его охранниками и полицейскими.

– Глупо, – проворчал Уэйнрайт, с трудом вытаскивая сапоги из вязкой жижи. – Ничего он нам не собирается показывать. Этот монстр нас просто дурачит.

– А может, хватит его дразнить? – зло проговорила Софи.

– А может, хватит перед ним заигрывать? – в тон ей произнес Уэйнрайт. – Этим вы только показываете ему свою слабость.

– Неужели? – Голос Софи задрожал. – Так я вам вот что скажу: не надо учить меня, как выполнять свою работу, а я не буду учить вас, как копать ямы.

Профессор бросил на нее свирепый взгляд.

– Что ж, я передам ваши слова старшему следователю Симмзу.

– Самодовольный дурак! – бросила ему в спину Софи. Она понизила голос, но не настолько, чтобы он не мог расслышать. Затем обратилась ко мне – Что?

– Ничего.

Она усмехнулась:

– Так уж и ничего?

Я пожал плечами:

– Если вы задумали перессориться со всей оперативной группой, то это не очень мудрое решение.

– Извините, но я ужасно расстроена. Какой мне толк находиться здесь, если я не могу выполнять свою работу? А что касается Терри Коннорса... – Она вздохнула и покачала головой. – Он поступает неправильно. Не следовало идти у Монка на поводу. Надо было заставить его хотя бы намекнуть, где он зарыл несчастных девушек. Как он собирается найти место, если не может вспомнить никаких ориентиров?

– Вы думаете, он лжет?

– Трудно сказать. То он выглядит рассеянным и ко всему безразличным, а в следующую минуту собран и сосредоточен. Видите, как он уверенно шагает вперед. Зачем ему было в такую даль нести трупы? – Она хмуро взглядела в белесую голову Монка, возвышающуюся над полицейскими, и добавила – Я, пожалуй, похожу тут, а потом вас догоню.

Софи направилась обратно к дороге, ведущей к Черной Скале. Я понимал ее сомнения, но, к сожалению, помочь ничем не мог. Идти становилось все труднее. Ноги утопали в мокром торфе, за них цеплялись вереск и длинная болотная трава. Монк, кажется, тоже не чувствовал себя уютно. Несколько раз оступался и чуть не падал, рыча на охранников, когда они пытались ему помочь.

Я посмотрел на Роупера. Он чуть в стороне говорил по рации. Негромко, но когда я приблизился, то уловил обрывки фраз:

– ...пока не уверен, сэр... да... да... конечно, сэр. Я буду держать вас в курсе.

Кому он докладывал обстановку, догадаться было нетрудно. При этом минуя Терри. Забавно. Закончив разговор, он догнал меня. Пошел рядом, пытаюсь приноровиться к моему шагу.

– Наслаждаетесь прогулкой, доктор Хантер?

Этот человек меня раздражал. Видимо, своей доброжелательностью, которая, несомненно, была фальшивой. Но не ссориться же с ним из-за этого?

– Свежий воздух для меня полезен, – ответил я.

Он рассмеялся, словно услышал удачную шутку.

– На мой вкус, его здесь многовато, но если вам нравится, то... – Он замолчал, затем вдруг спросил – Как вам Монк? Не правда ли, красавец? Будто сошел с картины Пикассо.

– А откуда у него ссадины? Он что, дрался?

– Не совсем. – Роупер с улыбкой посмотрел в спину Монка. – Он взбрыкнул вчера вечером, пришлось усмирять. Сегодняшнее мероприятие оказалось под угрозой. Дело в том, что иногда, когда гасят свет, у него случаются приступы смеха. Он хохочет, не может остановиться. А вскоре начинает буйствовать. Вот почему охранники прозвали его смехачом. – Роупер взгляделся в даль. – А это еще что такое?

Впереди возникла какая-то суматоха. Когда охранники наконец расступились, стало видно, что Монк упал и пытался встать. Полицейские и охранники сгрудились вокруг него, но поднимать не решались.

Адвокат тем временем подскочил к Терри:

– Все это надо немедленно прекратить!

– Ничего с ним не случилось, – усмехнулся Терри. – Ваш клиент несколько не пострадал.

– Надеюсь, что нет. Но если с ним что-нибудь произойдет, отвечать будете вы. – Голос адвоката звенел праведным гневом. – Нет никакой нужды оставлять на нем наручники. Риск побега минимален, а идти ему будет существенно легче.

– Он останется в наручниках.

– В таком случае прошу вас вернуть его в тюремный фургон.

– Почему?

– Я не допущу, чтобы мой клиент получил травму по вине полиции. Или наручники снимут, или он перестает сотрудничать.

А Монк продолжал лежать на спине, вздымая вверх руки, скованные наручниками.

– Вы сами наденьте такие и попробуйте идти. Посмотрим, как у вас получится.

Терри шагнул к нему, и я испугался, что он собирается пнуть его в лицо. Но Терри остановился и замер.

– Хотите, чтобы я позвонил старшему следователю? – спросил Роупер.

Если бы я не слышал, как он только что докладывал Симмзу обстановку, то поверил бы, что он пытается помочь. Это предложение подвигло Терри на принятие решения.

– Нет. – Плотнo сжав губы, он кивнул полицейскому – Снимите с него наручники.

Полицейский выполнил приказ. Выражение лица Монка не изменилось. Он медленно поднялся и стал разминать кисти рук. Его одежда промокла насквозь.

Терри посмотрел на адвоката.

– Теперь порядок? – Затем, не ожидая ответа, приблизился к Монку. Они были одинакового роста, но преступник странным образом казался в два раза выше. – Тебе сейчас приятно, да? Так сделай же что-нибудь, чтобы и мне тоже стало приятно. Пожалуйста.

Монк молчал, скривив рот в улыбке-гримасе. Его черные глаза по-прежнему ничего не выражали.

– Может, не надо... – начал Доббз.

– Заткнитесь! – оборвал его Терри, не сводя взгляда с Монка. – Далеко еще идти?

Тот повернул свою большую голову и принялся осматривать торфяник. И в это время до нас донесся крик:

– Это здесь! Здесь!

Присутствующие обернулись. Невдалеке на небольшом холмике стояла Софи и махала рукой.

– Я кое-что нашла!

6

Там, где зарыто мертвое человеческое тело, всегда остается след. Вначале над этим местом виднеется небольшой холмик, но вскоре земля начинает медленно проседать, и со временем в месте захоронения образуется небольшая впадина. Растительность тоже может оказаться полезной в деле определения места захоронения. Здесь она непременно будет более пышной, чем та, что вокруг. Вообще-то отличие бывает едва заметным, однако достаточным для знатока.

Софи стояла у насыпи, расположенной в центре глубокой ложбины. Все это находилось в пятидесяти ярдах от дороги. Насыпь поросла болотной травой, спутанной и жесткой, как проволока. Я направился к ней вместе с Терри и Уэйнрайтом. Роупер остался с полицейскими, охраняющими Монка. Нам пришлось обойти заросли утесника и спуститься по склону ложбины. Софи стояла как вкопанная рядом с насыпью, словно боялась, что, если она повернется спиной, это все исчезнет.

– Я думаю, тут может оказаться захоронение, – взволнованно произнесла она, когда мы приблизились.

Софи была права. Здесь действительно могло находиться захоронение. Размеры насыпи – примерно пять футов в длину и два в ширину. Высота составляла дюймов восемнадцать в самом высоком месте. Если бы насыпь была где-нибудь в парке, на плоском участке, то, наверное, как-то там выделялась бы. Но среди поросшего вереском болотистого торфяника было много ложбинок и холмиков. К тому же трава на насыпи ничем не отличалась от растущей вокруг.

– Я сомневаюсь, – проговорил Терри и повернулся к Уэйнрайту – Что вы скажете?

Профессор внимательно оглядел насыпь. Потыкал ее мыском сапога. В таких делах он был не большим специалистом, чем я или Софи.

– Думаю, если мы вознамеримся раскапывать тут каждый холмик, то поиски затянутся надолго.

Щеки Софи порозовели.

– Вы что, считаете меня идиоткой? Стала бы я указывать на первый попавшийся холмик.

– Ну и извольте остаться при своем мнении, – усмехнулся Уэйнрайт. Разумеется, он не собирался прощать ей недавнюю грубость. – А я при своем. Но куда мне до вас. У меня ведь всего лишь тридцатилетний опыт работы археологом.

– У нас нет времени на эту болтовню, – буркнул Терри, собираясь уйти.

– Подожди! – крикнула Софи. – Я, конечно, не обладаю таким колоссальным опытом...

– Тут я с вами согласен, – вставил Уэйнрайт.

– Но хотя бы выслушайте меня. Всего пару минут.

Терри встал с мрачным видом, скрестив руки на груди.

– Хорошо, две минуты.

Софи глубоко вздохнула.

– Идти за Монком не имеет смысла. Захоронение Тины Уильямс оказалось в точности там, где я рассчитывала найти его.

– Теперь легко говорить, когда оно обнаружено, – фыркнул Уэйнрайт.

Она не сводила взгляда с Терри.

– То есть недалеко от тропы, куда относительно легко добраться. И характер местности таков, что если он сошел с тропы, то с высокой степенью вероятности окажется в данном месте.

– И что?

– А то, что Монк ведет нас сам не знает куда.

– Что ты предлагаешь? – хмуро спросил Терри.

– Я надеялась, что он в конце концов что-нибудь вспомнит. Но он, кажется, бредет наугад. Либо действительно все забыл, либо намеренно ведет нас в неверном направлении.

– А может, вы сами действуете наугад? – Уэйнрайт насмешливо улыбнулся. – Я знаком с методикой Уинтропа, на которую вы ссылаетесь, мисс Келлер. Использовал ее в нескольких случаях, но без ощутимых результатов. Ничего в этой методике полезного нет.

– Значит, вы ее неправильно применяли! – бросила Софи и посмотрела на Терри. – Последние несколько дней я хорошо изучила эту тропу и нашла несколько мест, где мог сойти преступник с трупом. Одно место особенно удобно для подобной цели. – Она указала в сторону тропы. – Там есть небольшой уклон, куда удобно свернуть, когда несешь что-либо тяжелое. Вы легко попадаете к участку, заросшему утесником, и дальше в лощину, откуда прямой путь сюда. И вот здесь, как видите, есть насыпь, похожая на захоронение.

Она замолчала, ожидая, что скажет Терри. Но его опередил Уэйнрайт, теперь уже не скрывающий враждебности к Софи:

– Абсурд. Вы выдаете желаемое за действительное.

– Нет, профессор, – резко возразила Софи, – это не абсурд, а всего лишь здравый смысл, которому вы противопоставляете глупое упрямство.

Уэйнрайт, видимо, собирался достойно ответить, но я опередил его:

– По-моему, чем стоять тут и спорить, не лучше ли позвать проводника с собакой ищейкой. Если она что-нибудь учует, можно это место раскопать. В любом случае мы потеряем всего несколько минут.

Софи благодарно улыбнулась мне, а я продолжил, обращаясь к Уэйнрайту:

– Решать вам. Если вы абсолютно уверены, что здесь ничего нет, тогда другое дело.

– Ну что ж, можно проверить, – произнес он таким тоном, словно проверку предложил не я, а он.

Терри внимательно оглядел насыпь, вздохнул и, поднявшись по склону лощины, крикнул Роуперу и остальным:

– Идите сюда! – После чего обратился к Софи – Отойдем на пару слов.

Они заговорили о чем-то, возбужденно жестикулируя. А Уэйнрайт тем временем начал беспокойно передвигаться взад и вперед вдоль насыпи, пробуя ее ногой.

– Вот тут почва определенно мягче, – пробормотал он, достал из кожаной сумки с инструментами раздвижной трубчатый металлический пробник длиной чуть больше ярда и принялся втыкать в насыпь.

– Что вы делаете? – спросил я.

– Сами видите, прощупываю почву, – хмуро ответил он, не отрываясь от своего занятия.

Да, действительно подобным способом можно обнаружить захоронение. Почва на нем податливее, чем вокруг.

– Но вы можете повредить останки, если они там есть.

– А разве не надо помочь поисковой собаке?

И опять он был прав. Сквозь эти дыры собака легче учует газы, образующиеся при разложении. Но дыры можно было бы проделать и не таким варварским способом.

– И все-таки я не думаю, что...

– Благодарю вас, доктор Хантер. Если мне понадобится совет, то я обязательно обращусь к вам.

Уэйнрайт с силой всадил пробник в насыпь. Стиснув зубы, я наблюдал за его работой. Археологи привыкли к пробникам, но криминалистам такая техника часто мешала. Затрудняла определение повреждений, нанесенных жертве до наступления смерти. К ним прибавлялись и те, которые нанес заостренный наконечник металлического пробника. Уэйнрайт знал это не хуже меня.

Но потом это станет моей заботой, а не его.

Подошел Роупер, и Софи с Терри замолчали. Терри направился прямо к Монку.

– Тебе это что-нибудь напоминает? – Он показал на насыпь.

Монк пожал плечами. Его рот по-прежнему кривился в насмешливой улыбке.

– Нет.

– Значит, ты не здесь их зарыл?

– Я же сказал, что это вон там.

– Почему ты вдруг стал таким уверенным? Совсем недавно заявлял, будто не можешь ничего вспомнить.

– Я сказал, что это вон там.

Бородатый охранник хлопнул Монка по плечу.

– Не повышай голос, смехач, тебя и так все хорошо слышат.

– Отвали.

– Хочешь, чтобы я снова надел тебе наручники?

Казалось, Монк вот-вот взорвется, но тут опять ситуацию спасла Софи:

– Не надо беспокоиться, Джером. В тебе никто не сомневается.

На сей раз Терри не стал ее прерывать, и я догадался, что об этом они только что договорились. Монк медленно повернул к ней свою огромную голову. Софи, улыбаясь, смотрела на него.

– Я только прошу тебя подумать кое о чем. Ты ведь зарывал их ночью?

Вопрос риторический. Мало кто из убийц рискнет хоронить свои жертвы среди бела дня. Но адвокат опять возмутился:

– Ты не обязан отвечать на этот вопрос, если не хочешь! Я уже внес ясность, что...

– Заткнись.

Монк даже не взглянул на него. Его мутные глаза-пуговицы зафиксировались на Софи. Через несколько секунд он кивнул:

– Ну да, это всегда происходило ночью.

Я не сообразил, что это означает. Судя по тому, что Софи не сразу ответила, она тоже не совсем понимала.

– Но в темноте все так неопределенно. Когда вспоминаешь об этом позднее, легко ошибиться. Может, ты зарыл одну из них здесь? Или даже обеих?

Монк оглядел насыпь и потер ладонью свой бритый череп.

– Может быть...

На мгновение он показался растерянным, но Терри оборвал его размышления:

– Довольно терять зря время. Ты зарыл их тут? Да или нет?

Монк встрепенулся и резко повернулся к Терри:

– Нет.

– погоди, Джером... – начала Софи.

– Мы возвращаемся туда, – объявил Терри и стал подниматься по склону лощины.

– Но поисковая собака уже здесь! – воскликнула Софи. – Пусть попробует.

Терри остановился. Я думаю, он не стал бы ее слушать, если бы не Уэйнрайт. Все это время профессор продолжал орудовать пробником.

– Почти закончил, – объявил он, всаживая пробник в последний раз. – Почва ощутимо податлива, но поскольку это торф, то остаются сомнения...

Раздался треск, когда пробник ударил во что-то твердое. Уэйнрайт замер, затем изобразил на лице задумчивое выражение, избегая смотреть на меня.

– Там, кажется, что-то есть.

– Камень? – предположил Терри.

– Вряд ли. – Быстро утверждая контроль за ситуацией, Уэйнрайт поманил проводника с поисковой собакой. – Начните с дыры, которую я только что проделал.

Проводник, молодая рыжеволосая женщина с обветренным бледным лицом, потянула собаку к насыпи.

– Нет! – крикнул Монк, сжимая огромные кулаки. – Это в другом месте.

Терри посмотрел на адвоката.

– Скажите своему клиенту, что, если он снова начнет вмешиваться, я прикажу надеть на него наручники.

Адвокат недовольно кивнул. Но угроза сработала. Монк пару раз обернулся на торфяник и, пробормотав: «Не надо наручников», – разжал кулаки.

Возбужденный спаниель вынюхивал землю вокруг насыпи. В стране работали всего несколько ищеек, натасканных на такие поиски, и я слышал о них только восторженные отзывы. И все же у меня возникли сомнения. Торф затормаживает разложение, а иногда почти останавливает. И как бы ни был чувствителен нюх собаки, она не может почуять того, чего там нет.

Однако уши спаниеля немедленно встали торчком. Завывая от возбуждения, собака принялась рыться в дыре, оставленной пробником Уэйнрайта. Проводник быстро оттащила ее.

– Умница. – Погладив собаку, она посмотрела на Терри. – Двух мнений быть не может. Там что-то есть.

Все затихли. Терри сильно нервничал, я его не осуждал. На него ведь давил такой пресс. Да и карьера во многом зависела от результатов поисков.

– Что вы решили, шеф? – спросил Роупер. Он тоже заметно посерьезнел.

– Давайте посмотрим, – пробормотал Терри.

Уэйнрайт хлопнул в ладоши, похоже, забыв о своем недавнем скептицизме.

– Правильно, давайте посмотрим, что тут есть.

Один из криминалистов принес сумку с кирками, лопатками и другим шанцевым инструментом, с лязгом вывалив их на мокрую траву. Уэйнрайт расстегнул свою сумку и вытащил лопатку. Я вызвался помогать, но профессор холодно промолвил:

– О, не стоит беспокоиться. Если понадобится помощь, я дам вам знать.

Слово «помощь» прозвучало в пренебрежительно-оскорбительном смысле. Профессор неожиданно заявил права собственности на эту насыпь, когда сообразил, что там можно кое-что найти. Если это действительно окажется захоронением близнецов Беннетт, то все заслуги он припишет себе.

Остальные молча наблюдали за Уэйнрайтом. Как он, орудуя лопаткой, роет вокруг насыпи узкую, так называемую разведочную траншею. Ее всегда роют перед разрытием потенциального захоронения. Это позволяет понять, с чем мы имеем дело, увидеть, как расположены останки, на какой глубине...

Уэйнрайт методично втыкал в землю лезвие лопатки, приподнимая аккуратные пласты дерна.

– Торф, конечно, нарушил равновесие. Но тут явно что-то происходило.

Я покосился на Монка. Он молча наблюдал за происходящим. Наконец был поднят последний кусок дерна. Уэйнрайт принялся расширять траншею. Он углубился в мокром волокнистом торфе примерно на фут и остановился.

– Подайте мне совок.

Просьба, произнесенная повелительным тоном, не была обращена ни к кому конкретно, но я стоял ближе всех и передал ему совок. Профессор присел на корточки, соскребая торф с какой-то находки.

– Что это? – спросил Терри.

Уэйнрайт вгляделся.

– Не знаю. Возможно...

– Кость, – сказал я.

Предмет в руках профессора разглядеть было трудно, но у меня имелось достаточно опыта, чтобы отличить кость от камня или высушенного древесного корня.

– Человеческая? – уточнила Софи.

– Пока определить не могу. Плохо видно.

– Разумеется, это кость, – проговорил Уэйнрайт, недовольный тем, что я вмешался, и продолжил работать совком.

Терри напряженно стоял, глубоко засунув руки в карманы куртки. Сзади него Роупер пожевывал губу. А Монку вообще происходящее у насыпи было безразлично. Он смотрел в простиравшийся сзади торфяник.

– Я что-то нащупал, – произнес Уэйнрайт. – Кажется, ткань. Неужели одежда? Нет-нет, подождите, это... – Он наклонился, заслоняя собой находку. – Это мех.

– Мех? – Терри поспешил к нему.

Уэйнрайт сделал широкую выемку в торфе.

– Да, мех! Это какое-то животное.

Кости, которые он отрыл, оказались частично покрыты шкурой.

– Лиса? – предположил Терри.

– Нет. – Уэйнрайт вытащил останки животного и положил на землю. – Барсук. – Он бросил взгляд на Софи. – Мои поздравления, мисс Келлер. Метод Уинтропа привел вас к норе старого барсука.

Софи промолчала.

– То, что вы нашли останки барсука, еще не значит, что там нет человеческого захоронения, – сказал я, раздраженный поведением профессора. – Надо продолжить раскопки.

Уэйнрайт холодно улыбнулся.

– Доктор Хантер, насколько мне известно, вы не являетесь криминалистом-археологом. И мисс Келлер тоже. Так что...

Его слова заглушил шум возни, неожиданно поднявшейся у края лощины. Кто-то вскрикнул. Я оглянулся и увидел, что тюремный охранник и полицейский лежат на земле. А Монк уже побежал в торфяник. Он воспользовался удобным моментом, когда все следили за действиями профессора Уэйнрайта и ослабили внимание. Наперерез преступнику бросился другой полицейский, но он отшвырнул его в сторону, как тряпичную куклу.

Где он намеревался скрыться? Ведь впереди простиралось ровное торфяное болото.

– Догоните его! – крикнул Терри, бросившись вперед.

Неожиданность дала Монку преимущество в пару десятков ярдов, но этого оказалось недостаточно. Бормоча ругательства, полицейские кинулись за ним. Они быстро приближались, но преступник неожиданно свернул в сторону, и через пару секунд преследователи оказались в заросшей травой трясине, тщетно пытаясь вытащить ноги из засасывающей их коричневой жижи. А Монк лишь замедлил движение. Он бежал, уверенно находя твердую почву, которую было трудно различить среди трясины. Теперь я понимал, почему Монк постоянно смотрел на торфяник. Он прокладывал маршрут.

– Пустите за ним собаку! – крикнул Терри, огибая трясину. – Пустите же эту чертову собаку!

Немецкую овчарку не нужно было понукать. Как только проводник спустил ее с поводка, она ринулась через болото к Монку. Небольшой вес помог ей в считанные секунды преодолеть трясину, и вот она уже приблизилась к нему. Монк оглянулся и стал медленно снимать куртку.

Секунду спустя выяснилось зачем. Когда собака догнала его, он развернулся и выбросил вперед руку, обмотанную курткой. Челюсти животного сомкнулись на толстой подкладке, а Монк, напрягшись, резко, со вздохом ударил ей другой рукой по загривку. Собака пронзительно взвизгнула и затихла. Он отбросил ее в сторону и продолжил бег.

Мы ошеломленно наблюдали за происходящим. Вскоре тишину нарушил крик проводника немецкой овчарки, который бежал к ней.

– Ничего себе, – пробормотал Роупер и схватил рацию. – Поднимайте вертолет в воздух. Не задавайте глупых вопросов, просто поднимайте. Немедленно.

Постепенно Монк стал скрываться из вида. Он бежал, легко перепрыгивая с кочки на кочку, словно это было не болото, а дорожка в парке. Полицейские только начали выбираться из трясины, но Терри сумел обойти ее и теперь нагонял преступника. У меня перехватило дыхание.

– Его же этот монстр убьет, – прошептала Софи.

Она была права. Мало кто из мужчин мог бы победить Терри в драке, но мы видели, как легко Монк расправился с полицейскими, а затем и с псом.

Но Терри не подкачал. Он умело применил прием регби, бросился под ноги преступнику и резко схватил ниже коленей. Монк повалился на траву как подкошенный, Терри не отпускал его ноги. Это не мешало Монку сесть. Он попытался дотянуться до Терри, но тот застыл, втянув голову в плечи. Наконец один из ударов преступника достиг цели. Терри дернулся и отпустил его ноги. Монк поднялся на колени, но встать ему не удалось. В него с силой врезался заляпанный грязью полицейский, опрокинув на спину. Тут же подоспел другой, а через пару секунд уже группа полицейских нависла над ним.

Неожиданно Монк развернулся, отбросив их прочь, но те заработали дубинками. Он снова попытался встать, однако придавленный весом нескольких людей повалился лицом вниз. Они с трудом заломили ему руки назад и надели наручники, но на этом борьба не закончилась. Монк метался по земле и вопил, как раненое животное. Затих, когда на ногах у него защелкнулись кандалы.

Полицейские встали, оставив его валяться на мокрой траве, бормочущего ругательства. Несколько человек направились помочь Терри, который стоял на четвереньках, все еще оправляясь от полученного удара. Однако он отверг помощь и поднялся сам, что-то сказав полицейским. Видимо, пошутил, потому что раздался взрыв хохота, хриплого, слегка напоминающего истерический.

– О Боже, – прошептала Софи, повиснув на мне.

Я обнял ее за плечи. Машинально.

Теперь все были в сборе. Пришли в себя и тюремные охранники, и полицейские, которых Монк вырубил перед тем, как сбежать. Пожилой охранник пострадал, но не сильно. У него был разбит нос. Он единственный относился к Монку по-человечески, однако и ему досталось.

Адвокат, который молчал, теперь почувствовал необходимость вмешаться и поспешил к полицейским, обступившим Терри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.